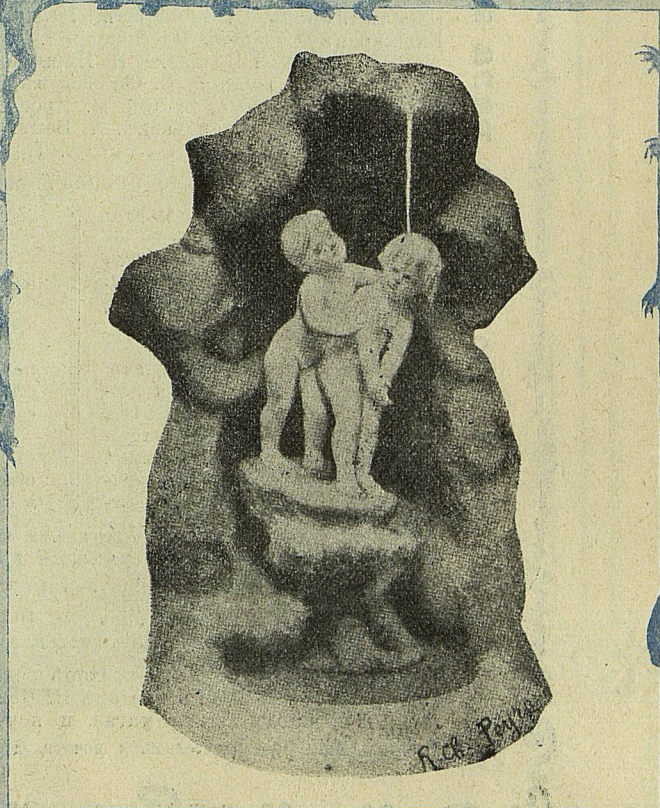

ДѢТСКІЙ ЛІРЬ

1913 г.

№ 17-й

Содержаніе № 17: Мать. Рис.—Именинницамъ (17-го сентября). Стих. Б. Арбатскаго.—„Кренделюшка“. Разск. Г. Вилліама. Съ рис.—У забытой мельницы. Стих. Н. Каменскаго.—Куканька. Изъ жизни мал. дѣвочки. Очерки. Н. Денисова. Съ рис. автора (*Продолженіе*).—Барометръ инженера Уильсона. Разск. Л. Абр. Съ рис.—Фонарщикъ. Пов. Кумминсъ. Перев. Н. Атласъ Съ рис. худ. Н. Денисова (*Продолженіе*).—Осленокъ въ звѣринцѣ. Стих. М. Моравской.—Чернокнижникъ Молчановъ въ Москвѣ въ 1613 г. Истор. пов. І. Любичъ-Ношурова. Съ рис. худ. П. Афанасьева (*Окончаніе*).—Заботы насѣкомыхъ о своемъ потомствѣ. Р. Я. Занскаго.—Между дѣломъ: Дрессированный слонъ. Дяди Тома. Съ рис. Шарада. „Живая гора“. Шутка. Тушканчика. Съ рис.—Объявленія.

Продолжается подписка на 2-е полугодіе 1913 года
на популярно-образовательный и литературно-худож. иллю-
стрир. журналъ для семьи и школы.

„Дѣтскій Міръ“

(VI ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

(Журналъ премированъ въ Россіи и за границей).

Въ 1913 г. журналъ издается въ увеличен. форматѣ и въ большемъ объемѣ.

Въ журналѣ обѣщали участіе: Л. Абрамовичъ, Аркадій Аверчен-ко, Каз. Баранцевичъ, Е. Богдановская, О. Благовъ, С. Вѣляевъ, Н. Васинъ, Г. Вилліамъ, Г. Гульковский, И. Данилинъ, Никъ Дени-Павель Егоровъ, Б. Звонаревъ, Левъ Зилловъ, Борисъ Ивинскій, В. Кашкаровъ-Весленевъ, Вл. Ленскій, І. Любичъ-Кошуровъ, А. Мирскій, Арк. Полонскій, О. Полтавка, Э. Пущинская, М. Росляковъ, Е. Сорен-зонъ, Алексѣй Толстой, Н. Фольбаумъ, Л. Черскій, В. Шишкинъ, Т. Щепкина-Куперникъ, Е. Экъ, М. Ярославцевъ и друг. Художники: П. Абрамовъ, П. Афанасьевъ, А. Бекъ, Н. Денисовъ, Е. Я. Ловмян-скій, Д. Орловъ, А. Тимаховъ и др.

Годовые подписчики получаютъ:

24 иллюстр. книжки, содержа- щія разск., стихотв., пьесы для дѣтскаго театра, путешествія, популярныя статьи изъ разн. обл. знанія, игры, занятія, шутки и др.

Четыре преміи:

1. Большой альбомъ для маронъ. Дѣти любятъ собирать разныя кол- лекціи, и собраніе марокъ очень распространено. Но большимъ затруд- неніемъ является отсутствіе системат. альбома, дорого стоящаго въ прода- жѣ. Съ этой цѣлью редакція „Дѣт-

скаго Міра“ рѣшила придти на по- мощь своимъ молодымъ читателямъ

2. Большая интересная игра- путешествіе „Вверхъ по Волгѣ“ со всѣми приспособленіями и рас- крашенною картою.

3. Книга, богато иллюстриро- ванная, „Какъ люди летаютъ“, отвѣтъ на самое интересное явленіе современной жизни.

4. Книга „Лѣсъ, луга, поля“, со множествомъ иллюстрацій, ри- сующая окружающую насъ природу и специально посвященная Россіи.

Подписная цѣна на журналъ со всѣми приложеніями съ **3** РУБ. доставкой въ Москвѣ и пересылкой въ другіе города **3** въ годъ.

На $\frac{1}{2}$ г.—**1 р. 50**к.

Комплекты журнала „Дѣтскій Міръ“ за 1912 г. съ приложеніемъ „Жизнь животныхъ по Брэмъ“ могутъ быть высланы за 3 рубля; безъ приложенія 2 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: **МОСКВА**, Большая Дмитровка, д. № 26; въ конторѣ Н. Печковской (Москва, Петровск. Линія); во всѣхъ книжн. магаз. и почтово-телегр. контор. Россіи. Издатель Акц. О-во издательск. и печатн. дѣла „Московское Издательство“.

Редакторъ Г. А. Ювенко.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ.

Пробный номеръ для ознакомленія у всѣхъ газетчиковъ и кіоскахъ, а также высыл. изъ конторы за 20 к.

Дѣтскій Міръ

Двухнедельный художественно-литературный журналъ для семьи и школы.

— VI годъ изданія —

1913 г.

Сентябрь.

К-ра и редакция: Москва, Б. Дмитровка, 26. Тел. ред. 46-57, конт. 181-17.

Танса объявленій: Строка непарелл: впереди текста—30 к., послѣ текста—15 к.

Перемѣна адреса 25 коп. (При заявленіи о перемѣнѣ адреса контора просить присылать прежній адресъ или сообщать его №).

№ 17

МАТЬ.

Именинницамъ

(17-го сентября).

Вѣра, Надя, Соня, Люба,
Нынче ваши именины!
Нынче цѣлый дождь подарковъ
Будетъ сыпаться на васъ!
Утромъ папа съ мамой жарко
Поцѣлуютъ всѣхъ васъ въ губы...
Ваши радостные взоры
Засіяютъ какъ алмазъ...

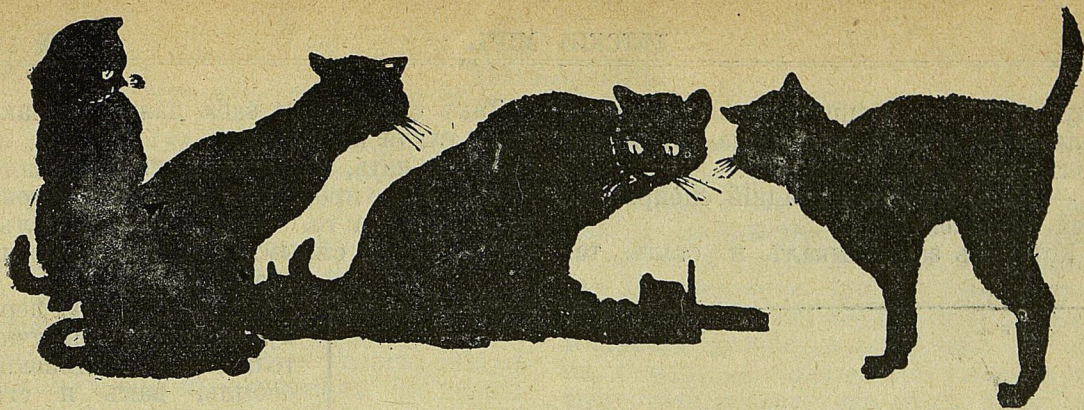
Вы въ предчувствіи подарковъ
Папу съ мамой обоймете,
А потомъ нетерпѣливый
Взглядъ вы кинете на нихъ...
И поймутъ они васъ живо,
Что вы всѣ чего-то ждете,—
И появится предъ вами
Рядъ подарковъ дорогихъ...

Надя, Вѣра, Люба, Соня!..
Какъ подарки интересны!
Куклы, чайные приборы,
Книги, мебель, самоваръ,
Печка, кукольные горы,
Лампа, зеркало, коляска...
Отъ восторга ваши щечки
Загорятся словно жаръ...

Вечеркомъ пріѣдутъ гости,
Навезутъ еще подарковъ:
Всякихъ лакомствъ, шоколаду,
Мармеладу и конфетъ...
Всѣмъ имъ будете вы рады,
Всѣхъ вы встрѣтите радушно...
Будутъ игры... Будутъ танцы...
Будетъ музыка и свѣтъ...

Люба, Вѣра, Соня, Надя!
Веселитесь и танцуйте!
Проводите въ шумныхъ играхъ
Этотъ праздничный вашъ день!
Пусть невзгода никакая
Не нарушатъ счастья дѣтства!
Пусть веселья золотого
Не закроетъ грусти тѣны!..

Борисъ Арбатскій.

„Кренделюшка“.

(Разсказъ).

Кухарка Агафья только-что вымыла полъ у себя на кухнѣ, постелила около двери чистую рогожку для ногъ, по-вдыхала поохала на боль въ поясницѣ, потомъ затеплила лампаду передъ образомъ и стала ставить самоваръ. Время было осеннее, на дворѣ стояла слякоть, и у Агафьи все время болѣло сердце за чисто-пречисто вымытыя бѣлыя половицы.

— Ты вотъ маешься день-денской то около плиты, то въ лавочку, то туда, то сюда, полы скребешь-моешь, а они ввалятся со своими сапожищами, и вся работа твоя пропала,—ворчала она себѣ подъ носъ.—Хоть сызнова мой.

Кухарка Агафья была женщина пожилая, хворая, на свою наружность совсѣмъ не обращала вниманія и ходила растрепой. А когда однажды ея баринъ отдалъ ей выбросить или продать татарину свой старый учительскій фракъ, она повернула его раза два на рукахъ, прикинула на свѣтъ, вздохнула и рѣшила:

— Зачѣмъ этакую хорошую вещь татарину продавать? Сама изношу за милую душу.

И съ тѣхъ поръ она въ холодную погоду стала ходить во фракѣ; только носила его не такъ, какъ ея баринъ, учитель гимназій, а фалдами напередъ. Золотыя съ гербами пуговицы она отпоролла, положила въ коробочку и убрала въ сундукъ, гдѣ у нея хранилось много любопытныхъ вещей. На мѣсто пуго-

вицъ нашла крючки, застегивала фракъ у себя на спинѣ, а фалды, сшитыя вмѣстѣ, замѣняли ей передникъ, и въ нихъ она носила то уголь изъ сарая, то картошку изъ погребицы. А такъ какъ она любила иногда выпить рюмочку и выпивши любила поплакать, то и слезы свои она утирала этими фалдами.

Жизнь Агафьи была тяжелая и грустная. Много натерпѣлась она обидъ отъ людей и отъ судьбы, и главная ея обида была та, что не на кого было ей излить любовь своего добраго сердца. Была Агафья совсѣмъ одинока.

И вотъ въ тотъ день, когда она вымыла полы и собиралась попить чайку, до котораго была большая охотница, Агафья съ удивленіемъ услышала, что кто-то тихо скребется въ обитую клеенкой дверь кухни.

— Ужъ не мышь ли, Царица Небесная!—всполошилась Агафья.—Не къ добру это, если мышь! Пойти, поглядѣть...

Но только-что она пріоткрыла дверь и высунула въ сѣни свой багровый, мясистый носъ, выглядывавшій съ любопытствомъ изъ-подъ надвинутаго на лобъ платка, какъ въ кухню живо вскочилъ небольшой сѣрый котенокъ, какъ-то странно опутанный розовой ленточкой. Агафья ахнула:

— Святители-угодники! Да кто же это его такъ? Не иначе сибирные ребятишки-озорники!

Она взяла котенка на руки и принялась распутывать на немъ ленточку,

опутавшую его пушистое тѣльце словно плеей. Распутала, поставила котенка на полъ, погладила и сказала:

— Ишь, ты какой гладкій, сибирный!.. Чей ты такой?

Котенокъ замурлыкалъ и сталъ те-

Такъ сладко, что баба даже всплакнула, глядя на него:

— Ни дать, ни взять, дите малое...

И тутъ же прозвала пришельца „Кренделюшка“, за то, что тотъ сладко спалъ, свернувшись сѣрымъ, пушистымъ кренделькомъ.

Вечеромъ, когда вернулся со службы учитель, такой же одинокій бобыль, какъ и его Агафья, кухарка подавала ему обѣдъ и, поджюнившись, стала около двери.

— Ты что?—поднялъ учитель голову, отрываясь отъ тарелки вкусныхъ, горячихъ щей, которыя мастерица была готовить Агафья.

— Квартирантъ у насъ новый, баринъ,—отвѣтила кухарка.

— Это еще что?—изумился учитель.

Агафья мигомъ вспыхнула, и лицо ея стало такимъ же багровымъ, какъ носъ. Потомъ поднесла фалду къ глазамъ и сказала:

— Сироту легко обидѣть. Но только въ такомъ случаѣ я вамъ больше не слуга. Пожалуйте расчетъ, ежели Кренделюшкѣ жить не позволите... Много-ль ему надо? Не обѣсть...

Баринъ вытаращилъ глаза. Сначала подумалъ, не спятила ли Агафья съ ума. Но та мигомъ слетала въ кухню и принесла въ подолѣ своей ливреи спящаго Кренделюшку.

Понявъ въ чемъ дѣло, учитель расхотался и даже пригласилъ котенка пообѣдать вмѣстѣ съ собой. Умиленная Агафья такъ и просіяла.

И зажилъ Кренделюшка на хлѣбахъ у Агафьи. Спалъ то на диванѣ, то на письменномъ столѣ учителя, то для разнообразія забирался на рѣзной буфетъ въ столовой, больше же всего любилъ дремать на шесткѣ у печки и поэтому ходилъ всегда чумазымъ, какъ угольщикъ. Агафья скрѣпя сердце прощала ему на первыхъ порахъ даже тѣ маленькія погрѣшности, которыя онъ то-и-дѣло оставлялъ на чисто вымытыхъ бѣлыхъ половицахъ кухни. За хворостину взяться ей и въ голову не приходило, но котенокъ и самъ скоро началъ проситься

реться объ ея ногу, обутую въ шаршавый чулокъ и выглядывавшую изъ-подъ полы высоко подоткнутой красной юбки.

— Бѣтъ хочетъ!—сообразила Агафья и, не спрашивая его дальше, налила ему въ блюдечко молочка, а себѣ въ большую рюмку водочки. Выпила, крикнула, утерла ротъ фалдой, грохнула на столъ тяжелый самоваръ и усѣлась за чаепитіе. Котенокъ нахлебался молока и, не долго думая, вспрыгнулъ на Агафьину кровать.

— Вишь какой храбрый,—съ удовольствіемъ рѣшила Агафья.—Видно, ничей котъ, ну, и пусть себѣ у насъ

остается: не обѣсть. Такъ и барину скажу: не обѣсть да еще и мышей будетъ ловить... когда въ разумъ войдетъ. А если будетъ гадить, такъ я его, сибирнаго, хворостиной...

Сладко спалъ котенокъ на жесткой Агафьиной кровати.

за дверь, когда ему было надо. Посмотрить Агафья въ глаза, подойдетъ къ двери и пѣвуче пискнетъ:

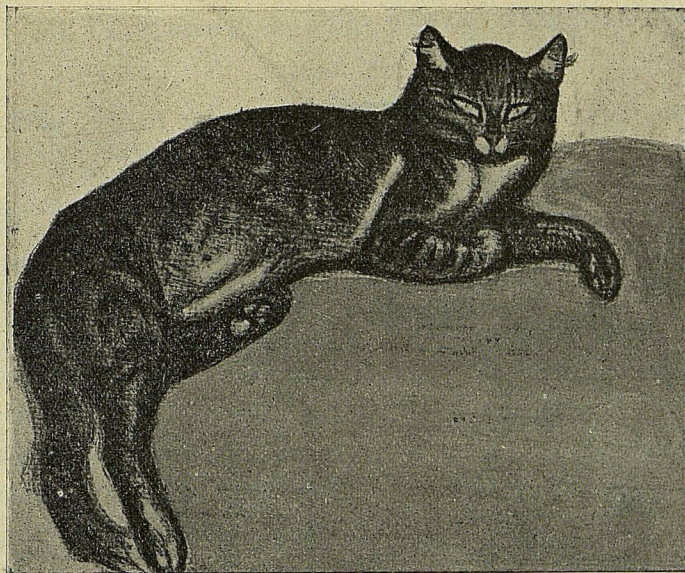
— Мяу!

Агафья души въ немъ не чаяла. Когда же Кренделюшка подросъ, онъ сталъ узнавать ея голо съ ипоходку. Вытянувъ кверху свой пушистый хвостъ, онъ съ важнымъ видомъ провожалъ ее черезъ улицу въ мясную. Баринъ тоже привыкъ къ чистенькому, ласковому сѣрому звѣрьку.

Подошла зима. Вставили вторыя рамы

дернула изъ мерзлой метлы на дворѣ около дворничкой.

Все шло благополучно. Но вотъ однажды Агафья услышала въ сѣняхъ несовѣтимый шумъ, лай, визгъ и фырканье Кренделюшки. Чужа недоброе, Агафья ухватила подвернувшуюся ей подъ руку желѣзную кочергу и выскочила въ сѣни. Сердце ея сжалось отъ ужаса, и она выпустила кочергу изъ рукъ. Ея воспитанника, на котораго она излила всю благостыню своего одинокаго сердца, кота Кренделюшку рвали въ сѣняхъ два прекрасные рыжіе сеттера, дорогіе псы

въ квартирѣ, Агафья надѣла валенки и не вытѣзала изъ своего фрака, подбивъ его подъ атласную подкладку ватой. Кренделюшка сталъ выискивать мѣстечко, гдѣ потеплѣе, и по цѣлымъ днямъ не слѣзалъ съ шестка. А однажды Агафья едва не зажарила его въ печкѣ, куда онъ забрался поспать.

Дѣло происходило какъ-разъ въ субботу вечеромъ въ кабинетѣ учителя, когда у него сидѣли гости. Агафья растопила печь, дрова запылали, заревѣло въ трубѣ пламя, какъ вдругъ изъ устья печи раздалось жалобное «мяу!» и изъ огня и дыма махнулъ на средину комнаты опаленный Кренделюшка. Всѣ такъ и покатались со смѣху, а Агафья обидѣлась и въ первый разъ отстегала своего пигомца хворостиною, которую вы-

домовладѣльца, а поодаль стоялъ мурластый, краснорожій дворникъ Никита и науськивалъ ихъ:

— Такъ, ѣшьте его, собаки!..

И хохоталъ.

Агафья, какъ она сама говорила въ послѣдствіи, „остамѣла“. Но мигомъ опомнилась, влетѣла въ кухню, схватила чугунокъ кипятку, и вскорѣ въ сѣняхъ послышался отчаянный визгъ жестоко ошпаренныхъ рыжихъ озорниковъ. Дворникъ Никита при такомъ оборотѣ дѣла далъ тягу, и во-время: вслѣдъ ему полетѣлъ сначала котелокъ, а потомъ кочерга, за ней полѣно.

Рыдая, подобрала Агафья истерзаннаго котенка въ подолъ фрака, внесла въ кухню, уложила на кровать и завыва-

въ голосъ. Вернувшійся со службы учитель остался въ этотъ день безъ обѣда, а потомъ былъ вынужденъ пойти объясняться къ домовладѣльцу и за ветеринарнымъ врачомъ.

Двѣ недѣли пролежалъ Кренделюшка весь обмотанный бинтами и повязками, и Агафья ухаживала за нимъ какъ за больнымъ ребенкомъ, требуя, чтобы обязательно повѣсили виновныхъ собакъ. Понемногу котъ сталъ ѣсть и поправляться, а по мѣрѣ его выздоровленія стихалъ гнѣвъ бѣдовой кухарки. Когда же котенокъ совершенно оправился и въ первый разъ проводилъ ее въ мясную, она зазвала къ себѣ на кухню мурла-

стаго дворника Никиту и изъ своихъ рукъ поднесла ему рюмку водки. И, когда онъ выпилъ, призналась:

— А вѣдь я, грѣшница, прости Царица Небесная, убить тебя хотѣла, Никитъ!

— Ну?!—ухмыльнулся дворникъ; потомъ добавилъ:—Благодаримъ за угощенье, Агафья Семеновна.

Кренделюшка скоро превратился въ громаднаго, солиднаго кота, и только учитель, къ великому конфузу Агафьи, зоветъ его съ той поры „Собачій обѣдокъ“.

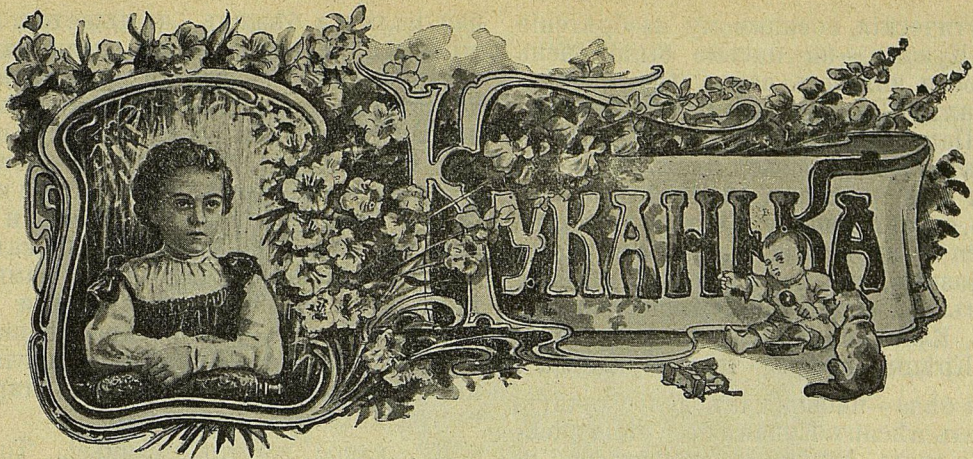
Г. Вилліамъ.

У забытой мельницы.

Безсильно колесо поникло,
Глядится въ омутъ день и ночь...
Отъ шума мельница отвыкла:
Разбитый жерновъ брошенъ прочь!..
Вода загадочно чернѣтъ.
Склонился къ ней кудрявый кустъ.
Въ тоскѣ плотина цѣпенѣтъ,
Песчаный берегъ тихъ и пустъ.
Покрыли пыльную дорогу,
Разросшись пышно, лопухи.
Столбы скривились понемногу,
Обнявшись вѣтками ольхи...
Къ плотинѣ жметъся подъ откосомъ

Старушка-лодка много дней
И въ зыбкій иль дырявымъ носомъ
Уходитъ глубже и сильнѣй...
Здѣсь часто лунными ночами
Тревожитъ берегъ чей-то вздохъ...
Встрѣчаясь съ мертвыми очами,
Звенить волна у блѣдныхъ ногъ...
А утромъ лучъ едва развѣтъ
Больную власть полночныхъ чаръ,
Вновь скучно мельница чернѣтъ,
И надъ водой клубится паръ...

Николай Каменскій.

Изъ жизни маленькой дѣвочки.

Очерки *).

Теперь уже Куканя, когда ходитъ съ мамой по городу, легко читаетъ всѣ вывѣски на магазинахъ и крупныя надписи на пакетахъ и ящикахъ. Она очень любитъ, когда ее берутъ съ собою: такъ много интереснаго можно видѣть въ окнахъ и внутри магазиновъ; вездѣ ее привѣтливо встрѣчаютъ, всѣ ее знаютъ, да и трудно на нее не обратить вниманія. Она очень, даже не по лѣтамъ, маленькая, худенькая, на тонкихъ стройныхъ ножкахъ, такія же маленькія ручки, которыми она держитъ, смотря по погодѣ, зонтикъ, муфточку или шляпу, чтобы ея не унесло вѣтромъ,—чаще всего приходится держать шляпу, поэтому Куканя любитъ больше капоръ. И вотъ эта крошечная нарядная дѣвочка идетъ по тротуару такъ покойно и просто, какъ рѣдко ходятъ дѣти. Она не тянетъ за руку назадъ, не убѣгаетъ впередъ и часто подходитъ на маленькую барыню.

Однажды, когда они шла съ мамой по улицѣ и мама отказала одному изъ нищихъ въ подавнїи, Куканя подошла къ нему и прибавила:

— У насъ сейчасъ нѣтъ, вы приходите къ намъ домой, тамъ вамъ бабушка подастъ.

Нищій долго вслѣдъ благословлялъ дѣвочку.

Иногда маленькая барынька просила маму остановиться около витрины съ афишами; рисунки и крупныя буквы афишъ прельщали дѣвочку, и она начинала читать афиши, но по привычкѣ

вслухъ, громко. Тутъ ужъ выходило неудобство,—любопытные прохожіе, которымъ некуда было торопиться, останавливались, и вокругъ собиралась толпа; дѣвочка рядомъ съ витриной среди взрослыхъ казалась меньше самой маленькой афиши. Серьезно и ничѣмъ не смущаясь Куканя продолжала читать вслухъ, кругомъ добродушно смѣялись мужчины, дамы ласкали дѣвочку и спрашивали, сколько ей лѣтъ; мамѣ пришлось брать за руку Куканю и уходить, чтобы закончить даровое представленіе.

Въ другой разъ, другой нищій остановилъ ихъ, но онъ не сталъ просить подавнїя, а долго рылся у себя въ мѣшкѣ, наконецъ, нашелъ конфетку и подаль ее Куканѣ.

Долго смѣялись дома надъ успѣхомъ Кукани, особенно среди нищихъ.

Прежде Куканя выучилась только читать,—писать она не умѣла, но съ большимъ терпѣніемъ выводила маленькія черточки и, исчертивъ такимъ образомъ почтовый листъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, называла это „письмомъ къ папѣ“; оно посылалось вмѣстѣ съ маминымъ на Дальній Востокъ, а тамъ ужъ папино было дѣло разбираться и догадываться, что хотѣли сказать эти черточки. Этого показалось мало Куканѣ. Она усердно срисовывала печатныя буквы, и черезъ полтора мѣсяца папа въ первый разъ получилъ настоящее письмо отъ Кукани. Какихъ, какихъ только тамъ буквъ ни было? Были и печатныя, и рукописныя, заглавныя были похожи на славянскія, а нѣкоторыя были совсѣмъ

*) См. № 15.

фантастическія, повидимому, изобрѣтеніе самой Кукани,—но письмо было очень крупное и читалось легко. Оно начиналось такъ: „Палѣ въ Иркутскъ отъ Кукани. Папа, Куканя цѣлуетъ тебя крѣпко, какъ твоѣ здоровье, платьице, которое ты мнѣ прислалъ очень мнѣ понравилось, совсѣмъ впору. Какъ ты угадалъ? Книжки я прочитала; башмачки оказались разные, но я ихъ очень люблю, совсѣмъ износила. Пришли еще книжекъ читать. Кланяйся Соболюкѣ. Будь здоровъ. Крѣпко цѣлую, твоя Куканька“.

Одна бѣда—письма такъ долго ходятъ.

Черезъ мѣсяцъ Куканя получила письмо отъ папы. Пришелъ почтальонъ и, стоя въ передней, громко разбираетъ: „Ея высокоблагородію Куканѣ Николаевнѣ“. Куканя сначала растерялась, услышавъ свое имя, но быстро скатилась со стула, выбѣжала въ переднюю и получила письмо, въ первый разъ посланное на ея имя. Оно было написано точь-въ-точь ея буквами, такъ же крупно, и она легко могла сама читать.

Въ слѣдующій разъ она писала: „Папа, я сама читала твоѣ письмо“. Съ тѣхъ поръ они переписывались всю зиму.

Кромѣ мамы гулять съ собой беретъ Куканю и бабушка, но она всегда беретъ и маленькаго Колю, а ужъ это одно безпокойство,—онъ такой маленькій, отстаѣтъ, запутается въ ногахъ у прохожихъ, приходится бабушкѣ брать его на руки, потому что онъ скоро устаетъ, а Куканя можетъ идти, сколько угодно и никогда не устанетъ.

Старшій братъ очень любитъ Куканю и охотно беретъ съ собою, но ему мало приходится ходить, и потомъ онъ не такъ великъ, чтобы мама отпустила съ нимъ далеко.

Есть еще у Кукани и старшая сестра; это совсѣмъ взрослая дѣвушка, но она вѣчно какая-то недовольная, озлобленная и не переноситъ ничего присутствія, со всѣми неласкова, даже съ Куканей. Это, пожалуй, единственный человѣкъ такой... Она очень рѣдко беретъ дѣвочку съ собой,—развѣ мама или бабушка упростили или она сама вдругъ смиростивится. Куканя забываетъ о суровости сестры и съ веселымъ личикомъ собирается идти съ ней. Но дальше наступаетъ разочарованіе. По выходѣ изъ дома старшая сестра начинаетъ такъ быстро идти, что Куканя не успѣваетъ за ней. Бѣд-

ная малютка бѣжитъ, задыхается, спотыкается, падаетъ, снова поднимается, слезы застилаютъ глазки, она жалобно, но ласково проситъ сестру идти потише, подождать ее или взять за руку, но та еще больше ускоряетъ шаги,—повидимому, ей доставляетъ удовольствіе издѣваться надъ маленькой дѣвочкой, и бѣдная Куканька продолжаетъ бѣжать за ней, спотыкается, ушибаясь о камни, и такъ всю дорогу. Возвращаются онѣ; бѣдная Куканя, вся раскраснѣвшаяся, задыхающаяся съ заплаканными глазками, ушибленными колѣнками. А старшая сестра хохочетъ надъ нею.

Ну, какое же это гулянье!.. Только доброе сердечко Кукани быстро забываетъ всякія обиды, и немного погодя она съ такой же веселой рожицей готова опять идти, если та ее позоветъ.

Больше всего любитъ Куканя гулять съ папой. Правда, это не часто бываетъ, но зато весело. Во-первыхъ, папа всегда добрый и ласковый; кромѣ того, покатаетъ на извозчикѣ; во-вторыхъ, папа не любитъ гулять по улицамъ, онъ свозитъ Куканю посмотрѣть панораму или въ Зоологическій садъ, да тамъ еще покатаетъ на осликахъ, а лучше этого ничего на свѣтѣ не бываетъ. Даже, пожалуй, лучше, чѣмъ елка, потому что ослики живые, настоящіе. Куканя накачается вдоволь, потомъ они ходятъ осматриваютъ звѣрей, подходятъ къ клѣткамъ. Почти всѣхъ звѣрей Куканя знаетъ по картинкамъ и помнитъ, какъ они называются; съ нѣкоторыми изъ нихъ она поговоритъ, любитъ найти въ звѣряхъ что-нибудь забавное и сообщить палѣ. Вотъ они остановились около бѣлаго медвѣдя. Куканя не стѣсняется окружающихъ и обращаетъ вниманіе папы на то, что медвѣдь плохо вымытъ и что слѣдуетъ позаботиться объ этомъ, и потомъ у него на лапахъ очень длинная шерсть и мѣшаетъ ему; почему онъ ходитъ все въ одну сторону и отчего на картинкахъ всегда ледъ, а здѣсь ни кусочка; желѣтъ, что ему жарко, и спрашиваетъ, кого онъ можетъ перекусить пополамъ и кого нѣтъ... Дѣвочка говоритъ вполголоса, но кругомъ тихо, публика прислушивается и покатывается со смѣху. Папа серьезно отвѣчаетъ ей на ея вопросы; онъ часто обращается съ Куканей какъ съ большой, и это ей очень нравится. Сейчас онъ ей сказалъ:

«Когда захочешь опять кататься на осликахъ, ты скажи», и они идутъ дальше. Взбираются на гору, гдѣ помѣщается слонъ, кормятъ его хлѣбомъ. Куканя не

шейку и смотритъ издалека, — и такъ хорошо видно.

Вотъ они останавливаются около водяного птичника. На маленькихъ прудахъ

боится никакихъ звѣрей и смѣло подходитъ къ нимъ; иногда только папа удержитъ ее, чтобы не подпустить къ рѣшеткѣ, — значить, нельзя. Куканя закладываетъ ручки за спину, вытягиваетъ

плаваютъ лебеди, гуси, по берегамъ стоятъ аисты и разныя другія птицы; Куканю забавляетъ, что онѣ задумались или заснули, позабывъ, что стоятъ на одной ногѣ. Она сама не прочь попро-

бовать, насколько это удобно, и невольно поджигаетъ одну ножку, но кругомъ стоятъ незнакомые люди, — пожалуй, неловко... Надо будетъ не забыть попроволать дома...

Вдругъ она точно вспоминаетъ что-то и говорить:

— Папа, я, кажется, захотѣла кататься на осликахъ; ты просилъ, чтобы я тебѣ сказала!..

Папа незамѣтно улыбается, и они опять идутъ къ осликамъ.

Немного погодя Куканя говоритъ:

— Кажется, я захотѣла кушать!..

Тогда они идутъ къ чайному буфету, но если въ это время въ саду заиграла музыка, Куканя забываетъ объ ѣдѣ и зоветъ папу къ эстрадѣ. Музыку она готова слушать сколько угодно и какая бы она ни была. Когда къ нимъ во дворъ приходятъ бродячіе музыканты, дѣвочка прежде всего бросается къ мамѣ за деньгами и всегда сама выноситъ имъ. Иногда у музыкантовъ бываютъ ученыя обезьянки и птички, тогда можно смотрѣть и слушать. Всѣ музыканты хорошо знаютъ и этотъ дворъ, и эту крошечную барышню съ веселымъ личикомъ, которая выноситъ имъ деньги.

Вечеромъ, когда папа играетъ на пианино, Куканя взберется на стулъ, сложить руки и слушаетъ. Она сидитъ долго и такъ тихо, что ее не всегда въ сумеркахъ даже замѣтно; она не играетъ, не поетъ, но знаетъ многое изъ того, что играетъ папа или поетъ мама. Иногда она проситъ сыграть ту вещь, которую прошлый разъ играли и которая ей очень понравилась, и напоминаетъ: она начинается громко, потомъ тихонько, потомъ такъ, здѣсь, потомъ немножко погромче; потомъ такъ, потомъ этакъ, и иногда такъ ясно опишетъ съ помощью жестовъ и указаній, что папа сразу узнаетъ, что ей нужно, и играетъ, а дѣвочка опять взбирается на стулъ, складываетъ руки и слушаетъ.

Въ чайномъ буфетѣ папа угощаетъ Куканю бутербродомъ, чаемъ съ сухарями и молокомъ. Обыкновенно онъ спрашиваетъ, чего она хочетъ, и называетъ, изъ чего выбирать. Куканя никогда не отвѣчаетъ „все равно“, какъ это дѣлаетъ ея старшій братъ; она знаетъ, что папа не любитъ такого отвѣта, и всегда ясно, опредѣленно скажетъ: „Хочу хлѣба съ ветчиной и чаю съ сухарикомъ“ и

скажетъ такъ громко, что папѣ повторять не приходится. Человѣкъ, стоящій тутъ же, улыбаясь, бѣжитъ за бутербродомъ, улыбаются и сидящіе кругомъ, только папа одинъ сохраняетъ серьезный видъ. Это-то Куканѣ и нравится, что онъ къ ея словамъ всегда относится серьезно, и она чувствуетъ себя съ папой всегда очень хорошо.

По возвращеніи домой Куканя поразскажетъ, гдѣ была и что видѣла; особенно она любитъ передавать все въ забавномъ видѣ и извлекать изъ поѣздки самое веселое и смѣшное.

Въ двѣнадцать часовъ дня слышится голосъ бабушки: „Куканя, Коля, Шура, идите горячее молоко пить“... Маленькіе братишки бросаютъ все, бѣгутъ наперегонки, только Куканя оказывается чѣмъ-нибудь занята, и молоко успѣваетъ остыть. Въ столовой на нѣкоторое время наступаетъ тишина. Маленькій Коля прильнулъ къ кружкѣ, и никакія силы его оторвать не могутъ. Слышится бабушкинъ голосъ и Шурки: „Шура, еще молока налить?“...—Дя.—„Хлѣба еще дать?“—Дя.—„Пирогоа хочешь?“—Дя... Любить этотъ маленькій Шурка покушать.

Середина дня. Время близится къ обѣду. Куканя едва успѣваетъ управляться со своими маленькими дѣлами, играетъ она урывками, то и дѣло слышится голосъ мамы: „Куканюка, прибери, милая, это, отнеси то, поди скажи бабушкѣ то-то... Куканя, а гдѣ у насъ Шура?“ И всюду Куканя бѣжитъ со всѣхъ ногъ, всегда веселая, радостная. Прибѣжитъ, скажетъ: „Ничего, мама, Шурка на пескѣ играетъ“... Только-что Куканя возьмется за мячикъ, слышится жалобный крикъ: „Крошка!“... Это, значитъ, надо бѣжать спасать маленькаго Колю, котораго обижаетъ собаченка, надо „Крошку“ оттащить отъ Коли, да еще не одинъ разъ, самого Колю надо ободрить и занять, потому что онъ не можетъ скоро позабыть „Крошкину“ обиду.

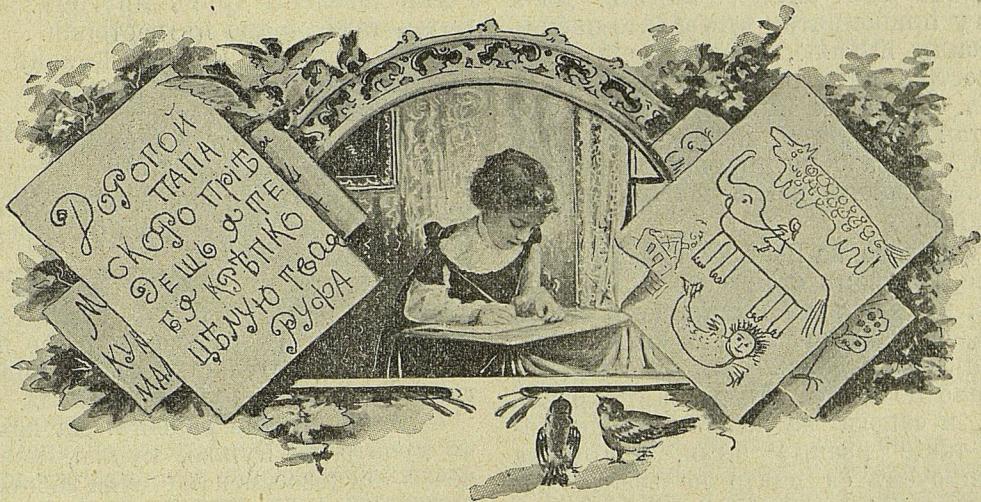
Немного погодя слышится пронзительный визгъ, Куканя бѣжитъ туда, — оказывается, маленький Шура соскучился на пескѣ и рѣшилъ возвратиться домой, но черезъ порогъ перелѣзть не можетъ и заявляетъ объ этомъ всему свѣту своимъ отчаяннымъ визгомъ. Куканя съ трудомъ переправляетъ Шуру черезъ порогъ, но въ это время сзади вцѣпляется

маленькій Коля... Вообще много хлопотъ у дѣвочки.

Вотъ возвращается и старшій братъ, Володя; Куканя его страшно любитъ, и онъ ей платитъ тѣмъ же. Они большіе друзья. Володя души не чае въ маленькой сестренкѣ, все свое дѣтство онъ посвятилъ ей, совсѣмъ маленькою ее онъ таскалъ на рукахъ, утѣшалъ, забавлялъ, укладывалъ спать. Первая игрушка, которую сдѣлалъ Володя своими руками, была для Куканьки; онъ даже лишалъ себя игръ для маленькой сестренки. Онъ не уставалъ съ ней возиться, вѣчно ма-

Только одной ее онъ не стѣснялся, цѣлыми часами могъ барахтаться на полу для ея удовольствія, изображая, смотря по надобности, то волка, то лошадь...

Съ появленіемъ Володи Куканѣ становилось легче, онъ избавлялъ ее отъ половины заботъ; если она занималась съ нимъ, то уходила во дворъ или садъ. Теперь уже приходилось слышать голосъ мамы, которая спрашивала: «Володя, а гдѣ у насъ Куканька?»... Володя бѣжалъ ее отыскивать,—другимъ это удавалось не сразу, но Володя зналъ всѣ любимыя мѣстечки своей сестренки и быстро на-

стерилъ для нея игрушки и защищалъ ее. Зато, когда однажды мама разсердилась на Володю и строго сказала, чтобы онъ не шалилъ, Куканя увидѣла по лицу брата, что онъ сейчасъ заплачетъ, испуганно подбѣжала къ нему и проговорила: „Ничего, балуйся, балуйся, братикъ, можно“... Маленькой она постоянно пѣла пѣсенку: «Сими ни мини вододъ»... Долго никто не могъ понять, что это значило, а дѣло было очень просто; Куканя не могла сама слѣзть со стула и обращалась со словами: «Сними меня, Володя». Понемножку это она обратила въ пѣсенку, только слова исказились, и вышло: „Сими ни мини Вододъ“.

Володя мало походилъ на сестру; насколько дѣвочка была веселая, живая, подвижная, настолько мальчикъ былъ смиренъ, задумчивъ, даже грустенъ, не отличался большой подвижностью, былъ неловокъ, застѣнчивъ, но сердечко у него, должно быть, было такое же доброе, какъ у Куканьки, и это ихъ сблизило...

ходилъ ее. Оказывается, сидитъ съ соседской дѣвочкой и играетъ въ камешки. Странная вещь,—въ куклы не любила Куканя играть, хотя онъ у нея и были.

Обѣдъ. За большимъ столомъ собиралась вся многочисленная семья. На этотъ разъ Куканю сажали обыкновенно рядомъ съ папой. Такъ поступали съ намѣреніемъ; дѣло въ томъ, что Куканя не любила обѣдать и вообще черезчуръ мало ѣла, отчего была худенькая и малокровная. Во-первыхъ, она рядомъ съ братишками совсѣмъ бы оставалась голодной, а во-вторыхъ, папа умѣлъ такъ съ ней по-товарищески ладить, что она сама не замѣчала, какъ ѣла супъ наперегонки съ папой, а иногда только изъ желанія доставить удовольствіе другимъ, разъ просятъ. Добрая дѣвочка не въ силахъ была отказать. Бѣдняжка съ такимъ трудомъ глотала, что у нея даже глазки краснѣли, тогда мама, жалѣя ее, говорила: «Ну, брось, Куканичка, если ужъ очень не хочешь»...

Послѣ обѣда, если дѣло было лѣтомъ и жаръ спадалъ, всѣ они отправлялись во дворъ. Маленькіе братишки рылись въ песокъ, подлѣ сидѣла мама или бабушка и отгоняла надоедливую „Крошку“. Куканя, Володя, сосѣдніе дѣвочка и мальчикъ играли и бѣгали, и иногда „Крошка“ бѣгала за ними, и въ общемъ было весело. Только старшая сестра Кукани никогда не выходила вмѣстѣ со всѣми, какъ бы ее ни звали,—такая не-людимая она была.

Повременамъ Куканя навѣщала сосѣдей, если такіе были во дворѣ, и всюду встрѣчали привѣтливо маленькую дѣвочку, всѣ рады были ее видѣть. Да я не могу припомнить, чтобы кто-нибудь не любилъ Куканю, кромѣ развѣ старшей сестры, которая, кажется, никого не любила. А любили Куканю за то, что она была такое ласковое, доброе, правдивое дитя и ни разу не причинила никому зла, даже такого, какое могутъ причинить дѣти.

Тамъ далеко, на Востокѣ, гдѣ они жили раньше, во дворѣ стояла маленькая избушка, и въ ней жили старичокъ и старушка,—это были сами хозяева дома. Старикъ былъ очень смирный, ходилъ медленно по двору, былъ одѣтъ очень бѣдно, и сапоги на немъ чуть держались,—такіе рваные были. Старушка же,—впрочемъ ея никто не звалъ старушкой, а всѣ называли злой старухой и даже вѣдьмой за ея сварливость и злой характеръ,—вѣчно сердилась на всѣхъ, кричала даже на своего смирнаго старика, а ужъ сосѣдніе ребята за версту ее обѣгали и боялись на глаза попасться.

Только одна Куканя не боялась и часто ее навѣщала. Придетъ, станетъ на порогъ, заложивъ ручки за спину, и, покачиваясь на каблучкахъ, скажетъ:

— Здравствуйте, Андреевна, какъ поживаете, что вы дѣлаете?

Лицо старухи сразу просвѣтлѣетъ, озарится ласковой улыбкой, она засуетится.

— Здравствуй, мое солнышко. Здравствуй, мой свѣтикъ... Не хочешь ли чайку? А вотъ лепешки есть...

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ Куканя,—сядемте лучше, Андреевна, поговоримъ...

— Сядемъ, моя радость, сядемъ, моя Куканюшка. Какъ же не поговорить — то съ тобой, моя умница?

Ну, вотъ сядутъ и долго-долго разговариваютъ старуха и крошечная дѣвочка. Я не знаю, о чемъ онѣ говорили, мнѣ ни разу не привелось слышать ихъ бесѣды, знаю, что онѣ обѣ оставались очень довольны другъ другомъ. А старуха—такъ прямо въ восторгѣ.

Разъ является къ ней Куканя и, обыкновенно, заложивъ ручки за спину и стоя на порогѣ, говоритъ:

— Знаете ли что, Андреевна?

— Что, моя радость?

— Мнѣ кажется, пора вашему старичку купить новые сапоги, а эти у него совсѣмъ развалились...

Скажи это кто-нибудь другой, такъ жизни не радъ бы былъ, глаза бы ему выпарапала Андреевна за такое непрощенное вмѣшательство въ ея жизнь, но тутъ она только руками развела.

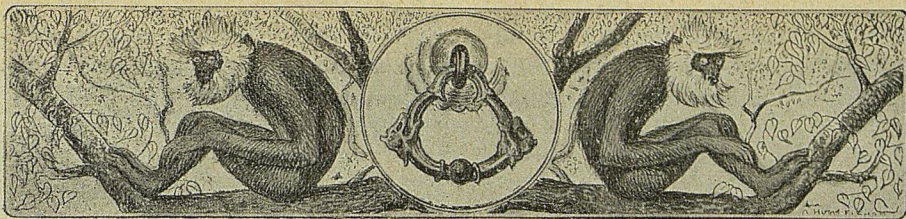
— Ахъ, ты моя радость! Да какъ же не купить-то? Куплю, куплю, мое сердечко ласковое, моя ласточка заботливая, куплю.

Не знаю ужъ, по ходатайству Кукани или просто пора было, но черезъ день смиренный старичокъ щеголялъ въ новыхъ сапогахъ. Жаль, что Куканя ни о чемъ больше не хлопотала, потому что все остальное осталось на старичкѣ по-прежнему рваное и заплатанное, такъ что новые сапоги какъ-то и не шли къ нему...

(Окончаніе слѣдуетъ).

Н. Денисовъ.

Барометръ инженера Уильсона.

Приготовленный одной изъ лучшихъ англійскихъ фирмъ, онъ долго стоялъ въ витринѣ магазина Джемса Хаггорта среди разныхъ приборовъ. Тутъ были барометры разныхъ видовъ и величинъ, гигрометры, астрономическія трубы, бинокли, спектроскопы, микроскопы и масса другихъ инструментовъ, сверкавшихъ мѣдными полированными частями и шлифованными стеклами.

Въ хорошую погоду, когда по улицамъ Лондона двигались массы народа, радуясь возможности подышать свѣжимъ воздухомъ и подставить лицо солнечному лучу, многие останавливались передъ витриной магазина Хаггорта и глазѣли на выставленные приборы. Отчего и не посмотреть, въ самомъ дѣлѣ, на чудесные инструменты, употребленіе большинства которыхъ неизвѣстно проходящимъ. Ими пользуются и знаютъ ихъ только ученые-специалисты.

Быть можетъ, не одинъ изъ спѣшившихъ утромъ на службу джентельменовъ, ежась подъ дождемъ, бросалъ взглядъ на барометръ, выставленный въ витринѣ, и съ сожалѣніемъ отмѣчалъ, что синеватая стрѣлка упорно стоитъ на словѣ „дождь“...

Никому и въ голову не приходило, что этому простому прибору суждено играть такую важную роль... Рѣшительно никому, даже самому мистеру Хаггарту, хозяину магазина...

Съ полнѣйшимъ равнодушіемъ этотъ суровый на видъ, рыжебородый коммерсантъ переставлялъ свой товаръ съ мѣста на мѣсто, выбирая для почтенныхъ покупателей подходящую вещь, при-

чемъ брался за этотъ барометръ такъ, какъ-будто это былъ приборъ такой же, какъ десятки другихъ барометровъ, частью стоявшихъ на окнѣ, частью лежавшихъ въ футлярахъ. Правда, быть можетъ, онъ съ болѣе уваженіемъ, относился бы къ нему, если бы зналъ, какая судьба выпадетъ на долю именно этого барометра, изготовленнаго фирмою Кларкъ и стоившаго недорого, всего немногимъ больше фунта.

Такъ было до того дня, когда въ магазинъ вошелъ солидный темноволосый джентльменъ и въ числѣ другихъ приборовъ купилъ какъ-разъ этотъ самый барометръ.

Онъ долго выбиралъ и остановился на этомъ. Хозяинъ съ особеннымъ стараніемъ уложилъ покупки и очень любезно простился съ покупателемъ. Онъ хорошо зналъ инженера Уильсона, зналъ также и то, что онъ скоро отправляется въ Африку, а такіе люди не каждый день заходятъ въ магазинъ...

Съ этого дня начались приключенія маленькаго барометра, все время находившагося съ Уильсономъ.

Вмѣстѣ съ инженеромъ ѣхалъ онъ по желѣзной дорогѣ, ѣхалъ на пароходѣ, трясся на лошади и мѣрно колыхался въ выюкѣ на спинѣ верблюда... Попалъ онъ и въ чащу тропическаго лѣса, гдѣ никогда не ступала нога человѣка и гдѣ солнечный лучъ съ трудомъ проникаетъ сквозь листья и лианы...

— Будетъ гроза, Чарли,—замѣтилъ Уильсонъ своему спутнику доктору

Макъ-Грегору, когда они раскинули палатку на холмѣ, выбравшись изъ лѣсу.

Докторъ, раздувавшій огонь подъ котелкомъ, въ которомъ бурлила и пѣнилась вода, поднялъ голову и глянулъ на небо. Ничто, казалось, не предвѣщало дождя: небо было чисто, солнце опускалось за синѣвшіе вдали холмы и все въ природѣ было спокойно.

Докторъ перевелъ взглядъ на барометръ, стоявшій на походномъ столикѣ: стрѣлка его быстро падала...

— Ага,—пробурчалъ онъ подъ ность и, быстро поднявшись на ноги, закричалъ:—Эй, закрѣпите хорошенько колья палатки да смотрите въ оба за багажемъ, чтобы не подмокъ, ночью будетъ гроза!..

Негры, сопровождавшіе бѣлыхъ въ ихъ скитаніяхъ въ бассейнѣ многоводной Луалабы, безпрекословно исполнили приказаніе доктора, но, окончивъ осмотръ палатокъ и сложивъ тюки въ надежное мѣсто, подошли къ Уильсону и его спутнику.

— Господинъ сказалъ, что будетъ гроза,—замѣтилъ Муа-Ки, самый расторопный и любознательный изъ туземцевъ.

— Ну, такъ что же?

— Небо ясно,—посмотрѣлъ кругомъ Муа-Ки,—почему же господинъ такъ говорить?

— Видишь ли, мой другъ,—объяснилъ ему докторъ,—мнѣ объ этомъ сказала вотъ эта маленькая штука: она знаетъ...

Муа-Ки и его товарищи посмотрѣли на доктора неодобрчиво; они знали, что „бѣлый господинъ“ любить пошутить, и рѣшили, что и на этотъ разъ онъ смѣется.

Но лицо доктора было серьезно...

Ночью пронеслась гроза. Она была непродолжительна, но страшна. Почти непрерывно небо вспыхивало то краснымъ, то голубоватымъ свѣтомъ, удары грома напоминали канонаду сотенъ орудій и ливень,—настоящій тропическій ливень,—шлепалъ о полотно палатки, словно задавшись цѣлью промочить ее насквозь и добраться до людей...

Если бы заблаговременно не были приняты мѣры предосторожности, то палатка, навѣрное, была бы сорвана съ мѣста,—съ такой свирѣдостью дулъ вѣтеръ.

— Ну, что же, Муа,—спросилъ на

другой день докторъ чернокожаго,—мой барометръ сказалъ правду?

Негръ ничего не отвѣтилъ: въ его взглядѣ, который онъ бросилъ на инструментъ, былъ не-то испугъ, не-то благоговѣніе,

На слѣдующемъ привалѣ, когда докторъ занялся сортировкой ботаническихъ матеріаловъ, Уильсонъ замѣтилъ, что Муа-Ки зачѣмъ-то скользнулъ въ палатку, гдѣ никого не было.

Заинтересовавшись, инженеръ подошелъ тихо къ входу и заглянулъ внутрь.

Муа-Ки присѣлъ на корточки передъ барометромъ и, сложивъ руки на груди, бормоталъ что-то на своемъ языкѣ.

Казалось, онъ обращался къ инструменту съ какой-то просьбой...

— Господинъ, подари намъ „его“,—сказалъ Муа-Ки и въ знакъ особеннаго уваженія присѣлъ передъ Уильсономъ.

Оба европейца окончили свои изслѣдованія, и, достигнувъ мѣстъ, откуда легко можно было уже достигнуть пароходной станціи, разставались со своими чернокожими спутниками.

— Кого „его“?—не понимая инженеръ. Муа-Ки ткнулъ рукой, указывая на барометръ.

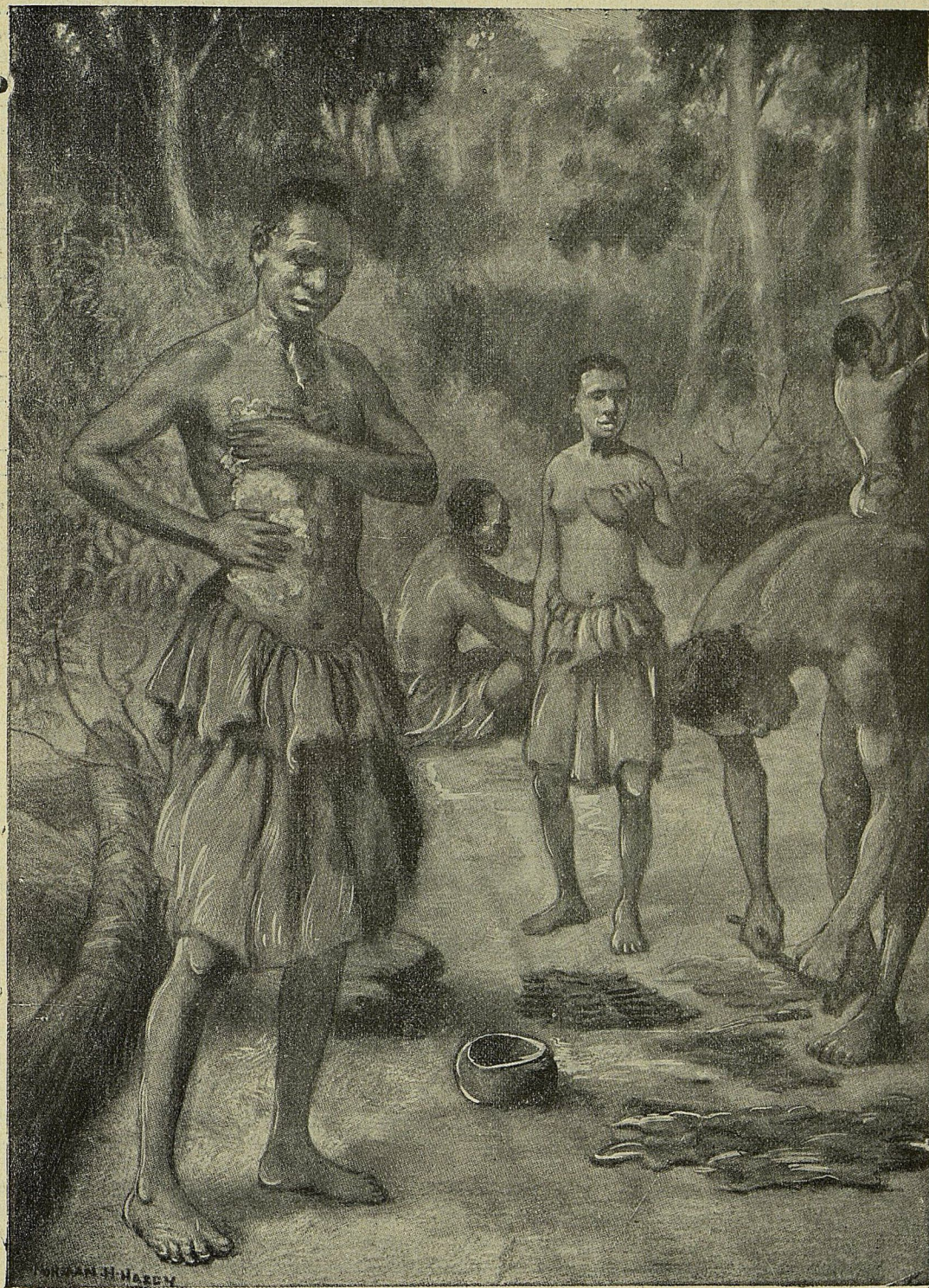
— Вотъ такъ исторія, Чарли! Что же намъ дѣлать,—обратился инженеръ къ своему другу, доктору,—вѣдь онъ хочетъ получить отъ насъ барометръ?..

— Зачѣмъ онъ тебѣ?—попробовалъ уговорить чернокожаго докторъ.—Вѣдь ты же не умѣешь обращаться съ этой „машиной“...

Чудакъ, какъ могъ, рассказалъ бѣлымъ въ чемъ дѣло: пусть они подарятъ ему таинственную штучку, предсказывающую дождь и громъ, имъ она не такъ нужна,—у бѣлыхъ есть еще много разныхъ чудесныхъ приборовъ, а этотъ... Этотъ будетъ покровителемъ соплеменниковъ Муа-Ки, они будутъ угождать ему всячески, а за это „онъ“ отгонитъ отъ нихъ всякія напасти...

Уильсонъ и докторъ едва удержались отъ хохота, услыхавъ рѣчь своего спутника: лица чернокожихъ были спокойны, и въ глазахъ ихъ свѣтилась просьба.

— Пожалуй, придется исполнить его просьбу,—сказалъ докторъ,—нашъ барометръ теперь не такъ ужъ и нуженъ; пусть его станетъ „богомъ“ у Муа-Ки и его товарищей...

Спутники инженера Уильсона.

Съ большой осторожностью взяли ди-
кари изъ рукъ Уильсона барометръ и,
поблагодаривъ, ушли...

Такъ, барометръ фирмы Кларкъ очу-
тился въ рукахъ чернокожихъ, и изъ
магазина Хаггорта попалъ въ деревуш-
ку „васукумовъ“ въ верховьяхъ Луа-
лабы...

Спустя нѣсколько лѣтъ французъ
Леже проходилъ по мѣстамъ, нѣкогда
изслѣдованнымъ Уильсономъ и его дру-
гомъ, докторомъ Макъ-Грегоромъ.

Въ одной изъ деревушекъ по рѣкѣ
Луалабѣ онъ встрѣтилъ гостепріимство,
какое рѣдко выпадаетъ на долю изслѣ-
дователя-европейца въ этихъ мѣстахъ.

Изъ разговора съ туземцами выясни-
лось, что здѣсь какъ-то уже побывали
два „бѣлыхъ господина“. Нѣсколько че-
ловѣкъ изъ этой деревни отправились
вмѣстѣ съ ними въ качествѣ провожа-
тыхъ; вернувшись, они рассказывали
много чудеснаго о своемъ путешествіи...

Между прочимъ они принесли съ собой
чудесную вещичку, кторая все знаетъ...
Она знаетъ даже, когда будетъ дождь,
но только не хочетъ говорить объ этомъ
„васукумамъ“... Они чтутъ ее, помѣстили
даже въ особой хижинѣ, всячески уми-
лостивляютъ, но она не хочетъ гово-
рить...

Леже догадывался въ чемъ дѣло, но
рѣшилъ отправиться все-же къ своеоб-
разному храму, гдѣ находился таин-
ственный „богъ“.

Сквозь отверстія въ стѣнкахъ хижи-
ны онъ увидалъ на высокой подставкѣ
небольшой барометръ.

„Богъ“ этотъ былъ уже сильно запы-
ленъ, но все-же на дощечкѣ можно бы-
ло разобрать цифры и фамилію фабри-
канта: онъ былъ англійской работы.

Осталось неизвѣстныхъ, долго ли ба-
рометръ инженера Уильсона былъ „бо-
жествомъ“ въ деревушкѣ „васукумовъ“,
но во всякомъ случаѣ онъ былъ имъ...

Л. Абр.

ФОНАРЩИКЪ.

Повѣсть изъ американской жизни. Кумминсъ.

ГЛАВА XXIX *).

Высокомѣріе.

Гертруда отказалась отъ прогулки въ лѣсъ, извиняясь тѣмъ, что она должна погулять съ Эмилией, но послѣдняя, думая, что прогулка доставитъ удовольствіе ея другу, вмѣшалась въ разговоръ и попросила ее принять приглашеніе Китти, и такъ какъ та увѣряла, что имъ иначе придется отказаться отъ экскурсіи, Гертруда согласилась. И собралась въ нѣсколько минутъ, но тщетно искала свою шляпу, которую повѣсила на обыкновенномъ мѣстѣ.

— Что ты ищешь?—спросила Эмилиа, слыша, что Гертруда нѣсколько разъ открывала и закрывала шкафъ.

— Мою шляпу, но я не нахожу ея. Я, кажется, буду опять принуждена одолжить у васъ вашъ садовый капоръ. Я скоро начну думать, что онъ мой, я его надѣваю чаще, чѣмъ вы,—сказала она, весело побѣждавъ догонять компанію.

Фанни ждала ее, остальная часть ком-

паніи пошла впередъ и уже исчезла изъ виду.

Въ это время Эмилиа позвала Гертруду.

— Дитя мое,—сказала она,—надѣла ты свои толстые башмаки? На лугу бываетъ часто сыро.

Гертруда отвѣчала утвердительно, но, боясь, что другія не приняли предосторожности, она спросила мистриссъ Граамъ, перемѣнили ли обувь Китти и Белла. М-ссъ Граамъ сказала, что нѣтъ и что не знаетъ, какъ быть,—ихъ уже не видно, и очень грустно будетъ, если имъ придется возвращаться.

— У меня есть очень легкія калоши,—сказала Гертруда,—я ихъ возьму съ собой. Мы съ Фанни придемъ какъ-разъ во-время.

Онѣ скоро перегнали Беллу и Осборна. Бенъ и Китти прошли впередъ и уже миновали ферму Торнтонъ; только одно поле отдѣляло ихъ отъ луга. Хотя онъ былъ покрытъ зеленой травой, но въ срединѣ его была трясина, которую нельзя было пройти даже въ толстыхъ сапогахъ, и надо было пробираться вдоль стѣны, идущей по межѣ. Гертру-

*) См. № 16.

да и Фанни запыхались, догоняя ушедшихъ далеко впередъ. Въ то время какъ онѣ проходили ферму, мистриссъ Торнтонъ показала на порогъ и заговорила съ Гертрудой. Предвидя, что ее задержать на нѣсколько минутъ, она просила Фанни побѣжать впередъ и предупредить брата и Китти относительно луга и попросить ихъ подождать остальныхъ. Но несмотря на всю поспѣшность Фанни пришла слишкомъ поздно. Они миновали уже половину луга и шли очень увѣренно, потому что г. Бручъ велъ ее правильно, по единственно проходимой тропинкѣ вдоль стѣны, изъ чего подоспѣвшая Гертруда заключила, что онѣ прекрасно знаютъ мѣстность.

Изабелла и Осборнъ долго не нагоняли ихъ, и нетерпѣливая Фанни просила Гертруду покинуть ихъ на произволь судьбы. Наконецъ, они показались изъ-за угла фермы. Белла шла не торопясь, хотя видѣла, что ее ждутъ.

— Что это, вы захромали, миссъ Клинтонъ?—крикнула ей Фанни.

— Почему ты это спрашиваешь?—спросила Белла.

— Вы ходите такъ медленно, какъ будто у васъ ноги болятъ,—отвѣчала Фанни.

Белла не удостоила отвѣтомъ и, гордо поднявъ голову, вступила на сырой лугъ и прошла мимо Гертруды, даже не взглянувъ на нее, но Гертруда, казалось, не замѣтила ея высокомерія. Взяла за руку Фанни и, свернувъ въ сторону, сказала вѣжливо и привѣтливо:

— Сюда, миссъ Клинтонъ, мы ждали васъ, чтобы проводить черезъ этотъ болотистый лугъ.

— Вотъ какъ!—сказала Белла, разочарованно взглянувъ на свои тонкія туфельки.

Затѣмъ прибавила съ раздраженіемъ:

— Я васъ считала гораздо разумнѣе. Какъ вы могли повести насъ такой дорогой?

— Можете вернуться,—сказала заносчивая Фанни,—никто не будетъ плакать.

— Предложеніе не отъ меня исходить,—замѣтила спокойно Гертруда, хотя краска залила ея щеки,—но я могу помочь вамъ. Мистриссъ Граамъ боялась, что у васъ тонкая обувь, и я принесла вамъ пару калошъ.

Белла взяла ихъ и, не удостоивъ даже благодарности, спросила:

— Чьи онѣ?

— Мои,—отвѣчала Гертруда.

— Я, вѣроятно, не смогу ихъ одѣть.—процѣдила сквозь зубы Белла,—онѣ будутъ слишкомъ велики.

— Позвольте!—сказалъ ея спутникъ и, взявъ одну изъ калошъ, нагнулся, чтобы одѣть на ногу Беллы, но ему это не удавалось, потому что калоша была слишкомъ мала.

Видя это, Белла нагнулась сама, чтобы натянуть ее, и такъ дернула калошу, что порвала ремешокъ, но всунула только часть ноги.

Въ то время, какъ Белла стояла нагнувшись, Фанни обратила вниманіе на ея шляпу съ широкими полями, въ которой признала сейчасъ же шляпу Гертруды; она была очень нарядна, и Гертруда никогда не вздумала бы купить ее, но г. Граамъ самъ купилъ и подарилъ ей взамѣнъ стараго, садоваго капора, на который онѣ нечаянно сѣлъ.

Гертруда носила ее на прогулкѣ, а затѣмъ вѣшала въ шкафу въ передней, гдѣ Белла нашла ее и присвоила. Фанни видѣла эту шляпу у Гертруды, когда та еще жила у мистриссъ Уарнъ, и однажды получила даже разрѣшеніе надѣть ее, для того, чтобы исполнить какую-то роль въ шарадѣ. Но такъ какъ она слыхала, что Гертруда говорила Эмили, она страшно удивилась, увидавъ ее на головѣ у Беллы, и, стоя за спиной послѣдней, она знаками показывала на шляпу Гертруды и знаками же выражала желаніе сорвать ее съ головы миссъ Клинтонъ и передать законной владѣлицѣ.

Гертруда едва удерживалась отъ смѣха, она погрозила Фанни пальцемъ, знакомъ попросила ее успокоиться и, пряча свое улыбающееся лицо подъ большимъ капоромъ, взяла ее за руку и прошла впередъ.

— Фанни,—сказала она,—не смѣши меня; если бы миссъ Клинтонъ увидала насъ, она была бы обижена.

— Она не смѣетъ одѣвать вашу шляпу, и она не будетъ ее носить.

— Почему? Она очень идетъ къ ней. Она приводитъ меня въ восхищеніе, и, пожалуйста, не говори ей, что это шляпа моя.

Фанни ничего не обѣщала, и по лу-

кавому выраженію ея глазъ видно было, что она готовитъ какую-то проказу.

— Миссъ Гертруда, пойдемъ, поищемъ сосновыхъ шишекъ, — сказала

съ Фанни, повѣсивъ свою и ея шляпы на вѣтку дерева. Онѣ прошли уже довольно большое рзстояніе, когда Фанни нашла массу сосновыхъ шишекъ и

она. — Я буду дѣлать изъ нихъ корзинки и этажерки.

— Ихъ много вонъ въ той части лѣса, — сказала Гертруда.

— Такъ пойдемъ туда, мы возвратимся, пока Белла Клинтонъ подойдетъ.

Гертруда согласилась и отправилась

собрала ихъ въ большую кучу; теперь она не знала, какъ отнести ихъ.

— Я возвращусь, — сказала она, — и возьму у Беллы платокъ, а если она не захочетъ мнѣ дать, я возьму свою шляпу вмѣсто корзины.

И Фанни убѣжала. Когда она приѣ-

жала къ тому мѣсту, гдѣ остались Китти и Бенъ, она услышала нѣсколько голосовъ и смѣхъ. Белла и Осборнъ пришли и что-то ихъ тамъ забавляло. Подойдя ближе, Фанни увидала, что Белла стоитъ, держа въ рукѣ бѣлый капоръ Гертруды; она совсѣмъ вывернула его и придала видъ старушечьяго чепца, украсила его какимъ-то бурьяномъ и пристегнула булавками носовой платокъ наподобіе вуали. Все это было дѣйствительно очень смѣшно. Потомъ, надѣвъ на палку, спросила:

— Кто хочетъ купить подвѣчную шляпу миссъ Флинтъ?

Фанни слушала нѣкоторое время съ негодованіемъ, затѣмъ выскочила, какъ будто только-что прибѣжала изъ лѣса. Китти на-ходу схватила ее за платье и крикнула:

— Вотъ вы, Фанни! А гдѣ же Гертруда?

— Въ сосновомъ лѣсу. Я сейчасъ тоже возвращусь туда, она послала меня за своей шляпой, потому что тамъ очень печетъ солнце!

— Ахъ да,—сказала Белла,—ея парижская шляпа. Передайте ей ее вмѣстѣ съ моимъ привѣтомъ.

— Нѣтъ,—возразила Фанни,—это не ея шляпа, это капоръ миссъ Эмилиі, вотъ ея шляпа.

Она схватила соломенную шляпу, которую только-что очень одобрила компанія, и безъ церемоніи сорвала съ ея головы.

Глаза Беллы засверкали гнѣвомъ.

— Что вы хотите этимъ сказать, неслучайная дѣвченка?—воскликнула она.—Отдайте шляпу!

И она протянула руку, чтобы взять ее.

— Не дамъ,—сказала Фанни;—это шляпа Гертруды. Она искала ее, прежде чѣмъ идти, и, предположивъ, что она пропала или украдена, одолжила капоръ миссъ Эмилиі; но она очень обрадуется, что шляпа отыскалась; я пойду отнесу ей. Я думаю,—сказала она, взглянувъ черезъ плечо,—что миссъ Эмилиі ничего не будетъ имѣть, если вы надѣнете ея капоръ, но съ тѣмъ, чтобы беречь его и не испортить.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ теченіе которыхъ Белла никакъ не могла оправиться отъ смущенія и досады, а остальные хохотали, прибѣжала Гертруда со шляпой въ рукѣ; за ней бѣ-

жала Фанни. Послѣдняя воспользовалась тѣмъ, что Белла повернулась къ ней спиной, и начала угрожать ей жестами.

— Миссъ Клинтонъ,—сказала Гертруда, кладя шляпу Беллѣ на колѣни,—я боюсь, что Фанни сказала вамъ какую-нибудь дерзость отъ моего имени. Я не посылала ея ни за шляпой, ни за капоромъ, и вы сдѣлаете мнѣ большое удволеніе, если будете надѣвать шляпу каждый разъ, какъ вамъ захочется.

— Она мнѣ не нужна,—высокомѣрно отвѣтила Белла;—я и не подозрѣвала, что она ваша.

— Я знаю. Но надѣюсь, что это не помѣшаетъ вамъ воспользоваться ею сегодня.

Не настаивая больше, Гертруда предложила взобраться на вершину холма. Надо было торопиться, чтобы придти до заката, и она двинулась впередъ въ сопровожденіи Фанни, которая усердно снимала съ осмѣяннаго капора Эмилиі насмѣшливое украшеніе. Белла повязала голову вышитымъ платочкомъ, а г. Бручъ повѣсилъ на руку оставленную шляпу.

Белла была весь вечеръ не въ духѣ, но остальные были въ восторгѣ отъ прогулки, и наступила уже ночь, когда они достигли фермы, около которой Гертруда разсталась съ компаніей, сказавъ Фанни, что пообѣщала зайти провѣдать Джемми Торнтонъ, одного изъ своихъ воскресныхъ учениковъ, который былъ боленъ, но она не позволила ей зайти туда, потому что въ домѣ было нѣсколько больныхъ.

ГЛАВА XXX.

Злость.

Нѣсколько недѣль прошло безъ исключительнаго происшествія въ домѣ Граамовъ. Наступили страшныя жары, и всякія прогулки пѣшкомъ и въ экипажѣ были отложены. Осборнъ уѣхалъ изъ сосѣдняго города, откуда выѣхали также почти всѣ родственники м-ссъ Граамъ и ея племянницы, и Изабелла, не переносившая ни сильной жары, ни отсутствія общества, стала раздражительнѣе и угрюмѣе обыкновеннаго.

Въ такое время м-ссъ Граамъ, м-ссъ Бручъ и ихъ семьѣ получили приглашеніе на вечеръ къ общимъ знакомымъ,

жившимъ въ пяти миляхъ отъ нихъ. Вечеръ давался по случаю выхода замужъ институтской подружки Изабеллы, и обѣ барышни очень обрадовались возможности повеселиться. Мистриссъ Бручъ, у которой была закрытая карета, предложила кузинамъ ѣхать съ ней, а такъ какъ экипажъ г. Граама былъ двухмѣстный, это предложеніе было принято.

Предвкушеніе веселаго общества и возможность показать роскошный нарядъ оживили упавшую энергію Изабеллы. Были вынуты всѣ нарядныя платья, чтобы выбрать такое, которое ей больше всего къ лицу, и въ то время какъ, стоя у большого зеркала, она примѣряла одно за другимъ и была такъ хороша въ каждомъ, что трудно было сказать, какое лучше, Китти тщетно старалась обращать ея вниманіе на себя, и, наконецъ, потерявъ терпѣніе и надежду, побѣжала совѣтоваться съ Гертрудой.

Гертруда сидѣла въ своей комнатѣ и читала.

— Гертруда, — сказала Китти, — что мнѣ надѣть сегодня вечеромъ? Я пробовала посовѣтоваться съ Беллой, но когда она занята своимъ туалетомъ, она даже не слышитъ моихъ вопросовъ. Она ужасная кокетка!

— А ей кто совѣтуетъ? — спросила Гертруда.

— Никто, но у нея такой хорошій вкусъ, а у меня ни малѣйшаго! Скажите, Гертруда, что мнѣ надѣть на вечеръ?

— Я меньше всего могу вамъ быть полезной. Я никогда не бывала на вечерахъ.

— Ну, такъ что же? Я не боюсь слѣдовать вашимъ совѣтамъ, потому что всѣ ваши платья вамъ очень идутъ. Даже ваше ситцевое платье изящно. Гертруда, кто слѣдитъ за гардеробомъ миссъ Эмилиі? Кто выбираетъ ей платья?

— Я въ послѣднее время, но...

— Я такъ и думала! — прервала Китти. — Благодаря вамъ она такъ хорошо одѣта.

— Вы ошибаетесь; я никогда не видѣла Эмилию лучше одѣтой, чѣмъ въ нашу первую встрѣчу, и ея красота не искусственная... она обязана въ этомъ отношеніи только себѣ.

— О, я знаю, что она прекрасна и носить красивыя вещи съ такимъ изяществомъ.

— Она одѣвается просто, но со вкусомъ.

Я слыхала, что послѣ того, какъ она потеряла зрѣніе, она долгое время не обращала вниманія на свою внѣшность, но, нечаянно узнавъ, что это усиливало горе ея отца, она ободрилась и съ помощью мистриссъ Эллисъ начала стараться угождать ему въ этомъ отношеніи. Но вы замѣтили, Китти, она никогда не носитъ ничего яркаго, бросающагося въ глаза.

— Да, правда... Но, Гертруда, развѣ она не всегда была слѣпая?

— Да, въ шестнадцать лѣтъ у нея были великолѣпные глаза и она видѣла такъ же, какъ вы.

— Что же съ ней случилось?

— Вы никогда у нея не спрашивали?

— Нѣтъ.

— Какъ это странно!

— Я знаю, что она не любитъ объ этомъ говорить.

— Но вамъ она сказала бы.

— Если бы она хотѣла рассказать мнѣ, она и безъ моихъ разспросовъ сдѣлала бы это.

Китти, не отрываясь, глядѣла на Гертуду, пораженная такой рѣдкой чуткостью и вѣрнымъ доводомъ; она инстинктивно любовалась скромностью, на которую искренно не считала себя способной.

— Но мы забыли про вашъ нарядъ, — сказала Гертруда, улыбаясь при видѣ растерянности Китти.

— Ахъ, да! Я почти позабыла, за чѣмъ пришла, — спохватилась дѣвушка. — Что же мы выберемъ, — легкую или тяжелую матерію, розовое или бѣлое?

— Что одѣнетъ Изабелла?

— Голубое... Это ея любимый цвѣтъ, но мнѣ онъ не идетъ.

— Въ такомъ случаѣ, идемъ, Китти, мы пересмотримъ у васъ въ комнатѣ всѣ платья, и я дамъ вамъ совѣтъ.

Пересмотрѣвъ весь гардеробъ Китти, Гертруда остановилась на легкой матеріи и выбрала платье изъ бѣлаго газа. Но представилось новое затрудненіе: изъ всѣхъ своихъ головныхъ украшеній Китти не нашла ничего подходящаго, ни одно не могло сравниться съ прелестнымъ новымъ вѣнкомъ Изабел-

лы, который она приколола на пышныя волны своихъ волосъ.

— Я не могу приколоть ни одинъ изъ этихъ цвѣтовъ, они ужасны рядомъ съ цвѣтами Изабеллы... Ахъ!—воскликнула она, бросивъ взглядъ на коробку, которая стояла на столѣ.—Вотъ то, чего мнѣ хотѣлось! Изабелла! Гдѣ ты достала такую чудную гвоздику?

— Китти,—сердито сказала Изабелла,—не трогай моихъ цвѣтовъ, ты ихъ испортишь!

Она вырвала ихъ у нея изъ рукъ, положила въ коробку, открыла ящикъ комода, спрятала ихъ и положила ключъ къ себѣ въ карманъ; Гертруда смотрѣла на нее съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ негодованіемъ.

— Китти,—сказала она,—если хотите,

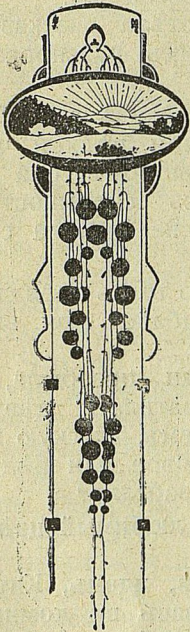
я сплету вамъ вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ.

— Правда, Гертруда! О, это будетъ прелестно! Это мнѣ больше всего нравится! А теперь, Изабелла, злая и старая скряга, можетъ сколько угодно прятать для себя свои украшенія! Какъ жаль, что ты не можешь надѣть двухъ сразу!

Вѣрная своему обѣщанію, Гертруда сплела вѣночекъ для Китти; она съ такимъ вкусомъ собрала все, что было лучшаго въ саду, что Изабелла, увидавъ свою кузину прелестной, почувствовала зависть къ Китти и сильную неприязнь къ Гертрудѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

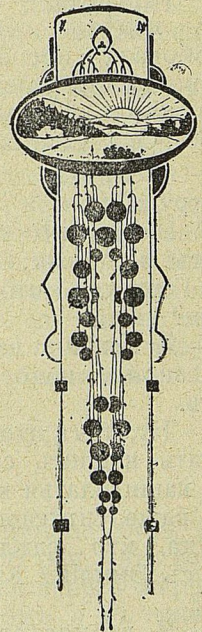
Перев. Н. Атласъ.

Осленокъ въ звѣринцѣ.

Пухлый, глупый и лохматый,
Онъ родился лишь на-дняхъ.
Удивлялся лось сохатый
И газель вздыхала: „Ахъ,
Ахъ, какой онъ безобразный!
Сѣрый весь, должно быть, грязный...
Что за хвостъ! Что за копыта!—
Станетъ страшно, коль приснится“.
Всѣ съ мычаньемъ, съ ревомъ звонкимъ
Насмѣхались надъ осленкомъ,
Лишь бизонъ одинъ рѣшилъ:
„Некрасивъ, но очень милъ“.
И, хотъ фыркаютъ всѣ звѣри,
Рѣзвъ и радъ осленокъ сѣрый:
Отъ звѣриныхъ злыхъ повадокъ,
Отъ насмѣшекъ и нападокъ,
Отъ пинковъ со всѣхъ сторонъ
Бережетъ его бизонъ.

М. Моравская.

Чернокнижникъ Молчановъ въ Москвѣ въ 1613 г.

(Повѣсть).

ГЛАВА XII*).

Въ разстегнутомъ кафтанѣ, въ шапкѣ, сдвинутой на затылокъ, бояринъ кричалъ Салтыкову съ улицы вверхъ черезъ бѣлую каменную стѣну:

— Я на тебя найду управу! Ты еще погоди!

Салтыковскій домъ былъ построенъ какъ крѣпость, обнесенъ кирпичной стѣной и у стѣны всюду были «подступы» со двора.

Салтыковъ смотрѣлъ на боярина, стоя на подступахъ, поглаживалъ бороду и насмѣшливо улыбался.

Онъ былъ видѣнъ съ улицы въ полпояса. На немъ была высокая шапка и крытая малиновымъ бархатомъ шуба, накинутая на плечи.

Шуба была распахнута. Салтыковъ словно напоказъ выставилъ изъ-подъ полы шубы руку въ дорогихъ перстняхъ, которую онъ положилъ на рукоятку сабли, тоже горѣвшую драгоценными камнями.

Поглаживая другой рукой, тоже въ перстняхъ и кольцахъ, бороду, онъ сказалъ:

— Поди сперва протрезвись...

И засмѣялся благодушно и вмѣстѣ насмѣшливо и вмѣстѣ презрительно, — какъ смѣются довольные своей судьбой люди, увѣренные въ своемъ превосходствѣ надъ другими людьми.

— Ванюшка! — закричалъ бояринъ и заметался на мѣстѣ.

— Не укусишь, — сказалъ Салтыковъ и опять засмѣялся все такъ же: и насмѣшливо, и благодушно, и презрительно.

Бояринъ кинулся въ толпу, запрудившую почти всю улицу противъ салтыковского дома. Было воскресенье. Обѣдня только-что кончилась, и народъ, возвращавшійся изъ церквей изъ всѣхъ переулковъ, бѣжалъ сюда на шумъ.

Въ толпѣ блестяли алебарды. Нѣсколько стрѣльцовъ въ праздничныхъ кафтанахъ съ этими сѣкирами приближали сюда прежде всѣхъ, почти въ одно время, какъ остановились тутъ двѣ тройки и изъ саней повыскакали вооруженные люди и стали ломиться въ ворота и стучать въ нихъ кулаками и рукоятками сабель.

Съ крикомъ и свистомъ гнали эти люди лошадей мимо уже снятыхъ рогатокъ и кричали встрѣчнымъ стрѣльцамъ, чтобы шли за ними помогать громить салтыковскій дворъ.

И стрѣльцы, подобравъ полы кафтановъ и держа алебарды кто на плечѣ, кто подмышкой, бѣжали за ними, не для того, конечно, чтобы помогать имъ, а чтобы водворить порядокъ.

Но порядокъ было мудрено возстановить. И особенно это стало трудно, когда собрался народъ.

Салтыкова не любили въ Москвѣ.

Протискиваясь въ толпу, бояринъ кричалъ:

— Гдѣ мой? Гей! Ванюшка, Игнатъ Григорьевъ!

И вращалъ изъ стороны въ сторону

*) См. № 14.

совсѣмъ обезумѣвшими отъ гнѣва и совсѣмъ почти немигающими глазами.

— Здѣсь мы!— раздавалось тамъ и тутъ въ толпѣ.— Православные, пропустите.

Бояричъ въ гнѣвъ ничего не видѣлъ и не слышалъ, чувствовалъ только, что кругомъ него толпа. Но для него у этой толпы не было ни лицъ, ни словъ, ни криковъ.

Вдругъ что-то красное метнулось ему въ глаза и, сосредоточивъ вниманіе на этомъ красномъ, онъ сообразилъ, что это стрѣлецъ.

— Вотъ это такъ!— крикнулъ онъ стрѣльцу.— А гдѣ еще?.. Много васъ собралось? Да что же ты стоишь какъ пень?

И схватилъ обѣими руками застывшую у стрѣльца подмышкой алебарду. Стрѣлецъ тоже прихватилъ алебарду другой рукой.

Но бояринъ былъ силенъ.

— Ратуйте!— закричалъ стрѣлецъ и выпустилъ изъ рукъ алебарду.

Кругомъ была толпа. Стрѣльца сейчасъ же оттѣснили отъ боярича.

Кто-то ему сказалъ:

— Чего горло дерешь? Слыхалъ: они у него троихъ людей зарѣзали, собаки.

Никто еще не понималъ, зачѣмъ бояричу зандобилась алебарда, когда изъ кармана у него торчала ручка пистолета. Многіе такъ и ожидали, что выпалитъ изъ этого пистолета въ Салтыкова.

Но бояричъ подбѣжалъ къ санямъ, прислонилъ къ нимъ алебарду длиннымъ какъ оглобля древкомъ въ снѣгъ, а топоромъ на отводу и ударилъ по древку сверху ногой.

Древко надломилось.

Тогда онъ и совсѣмъ переломилъ его на колѣнѣ; схвативъ затѣмъ алебарду за обломокъ древка, онъ бросился съ этимъ оружіемъ, такъ ловко и быстро превращеннымъ въ топоръ, обратно.

Салтыковъ закричалъ со стѣны:

— Стрѣльцы, что-жъ вы смотрите! И быстро нагнулся.

Бояричъ имѣлъ въ виду сбить алебардой замокъ на воротахъ и для того именно и укоротилъ древко, чтобы было удобнѣе: ворота были подъ низкой аркой, и съ алебардой, какъ она была раньше, здѣсь негдѣ было по-

вернуться, не хватало мѣста для размаха.

Съ этимъ именно намѣреніемъ онъ и бросился черезъ толпу, опять ничего не видя и не слыша.

Но Салтыкова онъ не могъ не видѣть.

И когда онъ его увидалъ и услышалъ его голосъ, онъ крикнулъ:

— А, Иуда!

И швырнулъ въ него алебардой съ такой силой, что, перелетѣвъ черезъ голову (Салтыковъ едва успѣлъ нагнуться), она, сверкая, пронеслась далеко въ глубину двора.

— Бей его!— кричалъ бояричъ.

И опять заметался, ища чего-то около себя на снѣгу. Но около ничего не было.

Онъ опять закричалъ:

— Ванюшка!

Но его дворяне, во всемъ ему слѣдуя, обезоруживали стрѣльцовъ, стараясь завладѣть ихъ алебардами. Дворянамъ помогаль кое-кто изъ толпы, такъ какъ всѣмъ стало извѣстно, что одинъ изъ салтыковскихъ «ближнихъ людей», да еще не кто-нибудь, а чернокнижникъ и вѣдунъ, зарѣзалъ нынѣшней ночью троихъ «вѣюношей».

Въ толпѣ были и старики въ шубахъ, подпоясанныхъ ради праздника бѣлыми полотенцами, съ праздничными расписными посошками въ рукахъ.

И старики грозили своими посошками Салтыкову и смотрѣли алчно, протискиваясь впередъ, чтобы видѣть, какъ будутъ бить этого вельможу, представлявшагося имъ сейчасъ въ родѣ тѣхъ «злыхъ вельможъ», о которыхъ говорится въ житіяхъ и которые, служа діаволу, всячески казнили и мучили отроковъ и вѣюношей...

Ибо Салтыкова въ народѣ считали тайнымъ католикомъ, согласившимся съ польскимъ королемъ извести православную вѣру.

Шумъ, крики и галдѣнье стояли надъ толпой. И вся толпа понемногу приняла угрожающій видъ.

Стрѣльцамъ кричали:

— Ироды! Сказано вамъ: давай! Мы въ отвѣтъ!

Рядомъ причитали старики о трехъ вѣюношахъ и тоже усовѣщевали стрѣльцовъ...

Однако стрѣльцы и не сопротивлялись

особенно. Изъ ноженъ у нихъ повытаскали сабли и посорвали мушкетные патроны съ широкихъ перевязей.

него на стѣнѣ появились его «ближніе люди», всѣ до одного вооруженные мушкетами.

— Ой, пане, пане! И вы не знаете, что сдѣлалось!

Толпа хлынула ближе къ дому и, какъ волна пѣной, блеснула обнаженными саблями и алебардами.
ушелъ со стѣны, а вмѣсто

У запаловъ мушкетовъ горѣли фитили.

Но и дворяне высѣкали огонь при помощи кремня и огнива на виду у

защитниковъ салтыковского двора, при-сѣвъ на корточки и держа пистолеты на колѣняхъ.

Древній старичокъ, протиснувшись въ первый рядъ, опираясь на посошекъ, стыдилъ салтыковскихъ людей, называлъ ихъ богоотступниками.

Глава XIII.

Дѣло могло кончиться кровью.

Но стоявшіе на стѣнахъ салтыковскіе люди стали вдругъ кричать въ толпу:

— Глядите! Филинъ бѣжитъ.

Старичокъ, стыдившій ихъ богоотступничествомъ, видя, что всѣ они повернулись въ одну сторону, сначала смѣшался, а потомъ приложилъ руку къ уху и сказалъ:

— Ась?

— Про Филина кричать,—сказалъ кто-то около него и еще кто-то крикнулъ наверхъ салтыковскимъ людямъ:

— Ей - Богу?

— Что тамъ?—сказалъ и бояричъ, обращаясь, однако не къ салтыковскимъ людямъ, а къ своимъ.

Но ему отвѣтилъ одинъ изъ салтыковскихъ:

— Филинъ тутъ!

И такъ какъ онъ не понималъ, про какого это филина начался вдругъ разговоръ между осажденными и его людьми, то ему разомъ стали объяснять и со стѣны, и около:

— Филинъ, жидовинъ...

— Который масляные часы дѣлаетъ...

— Еще у него дочь гадаетъ.

— Старикъ такой въ очкахъ.

Филинъ былъ въ длинной шубѣ совсѣмъ ему не по росту и оттого волочившейся по снѣгу...

Шуба была распахнута, потому что онъ бѣжалъ, размахивая руками... И что всего чуднѣе—на его ногахъ были только полосатые чулки и домашнія туфли, въ которыхъ на улицу онъ выходилъ только лѣтомъ.

И шапки на немъ тоже не было, а была одна черная ермолка.

Онъ бѣжалъ посреди улицы, а не около стѣнъ, какъ всегда, и то поднималъ руки надъ головою, то билъ себя кулаками въ грудь.

Когда онъ добѣжалъ до толпы, то остановился только на одну минуту и сейчасъ же бросился въ толпу, крича:

— Ой, пустите же меня до вашего пана, у котораго этотъ бродяга закололъ трехъ молодыхъ людей.

Услышавъ, что онъ кричитъ, такъ какъ въ толпѣ стало вдругъ тихо, и одинъ только этотъ вопль и дребезжалъ теперь, полный слезъ, въ морозномъ воздухѣ; бояричъ сталъ расталкивать толпу и закричалъ тоже такъ, что всѣ его слышали:

— Не трошь его! Давай его сюда!

И сейчасъ же разступилась толпа, и онъ увидѣлъ прежде всего бѣлую рубаху съ разстегнутымъ воротомъ и волосатую грудь, которую царапали судорожно сведенные красные отъ мороза пальцы съ желтыми грязными ногтями.

Потомъ Филинъ схватился за голову, за свои сѣдые длинные пейсы, и когда сейчасъ же онъ протянулъ къ бояричу руки, у него подъ ногтями осталось нѣсколько этихъ сѣдыхъ волосъ, вырванныхъ изъ пейсовъ.

Онъ упалъ на колѣни и хотѣлъ обнять ноги боярича, но тотъ отступилъ.

Тогда Филинъ опять простеръ къ нему руки, и его голосъ снова забился въ безграничной скорби, задрезжалъ, застоналъ и заплакалъ:

— Ой, пане, пане! И вы не знаете, что сдѣлалось! И вы не знаете, кто онъ. Онъ великій волшебникъ...

— Стой, ты!—крикнулъ бояричъ, такъ какъ Филинъ бросился опять къ его ногамъ и ловилъ ихъ своими красными пальцами, которые отъ холода уже начинали синѣть.

Бояринъ опять отступилъ. Тогда онъ поползъ за нимъ по снѣгу, и за нимъ волочилась его шуба. Туфли свалились съ его ногъ. Сквозь старые прорванные чулки желтѣли ступни ногъ.

Бояричъ закричалъ:

— Держите его подъ руки!

Филина подняли.

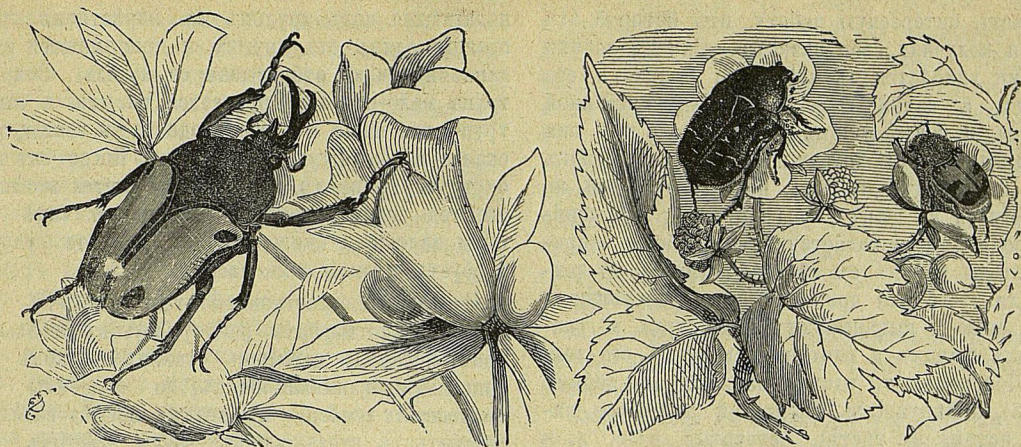
Кто-то подкатилъ палочкой къ его ногамъ туфли.

И кто-то, сказавъ угрюмо: «Чего гнушаешься? Тоже человѣкъ»,—взявъ туфли въ руки, вытряхнулъ изъ нихъ снѣгъ и поставилъ такъ, чтобы Филину удобно было всунуть въ нихъ ноги.

Онъ и сдѣлавъ это, всунулъ ноги въ туфли.

КОНЕЦЪ.

І. Любичъ-Кошуровъ.

Заботы насѣкомыхъ о своемъ потомствѣ.

Материнская любовь и заботливость о потомствѣ свойственны всѣмъ животнымъ, птицамъ и насѣкомымъ, но смѣло можно сказать, что особенную настойчивость и усердіе въ этомъ дѣлѣ проявляютъ насѣкомыя и среди нихъ главнымъ образомъ жуки, о которыхъ мы и расскажемъ здѣсь. Жуки проявляютъ даже болѣе сильное родительское чувство, чѣмъ многія млекопитающія, и съ величайшимъ терпѣніемъ и предусмотрительностью устраиваютъ всевозможныя приспособленія, чтобы только-что вылупившееся изъ яйца насѣкомое было обезпечено всѣмъ, что нужно для его развитія. Такая сильная родительская любовь тѣмъ болѣе изумительна, что большинство жуковъ лишены счастья видѣть своихъ дѣтенышей, такъ какъ умираютъ сейчасъ же послѣ того, какъ приготовить все, что нужно будетъ для дѣтеныша, когда онъ вылупится изъ яйца.

Такою своею заботливостью о потомствѣ жуки ввели въ заблужденіе древнихъ ученыхъ, которые относительно размноженія жуковъ рассказывали настоящія басни. Они говорили, что жуки могутъ произвольно зарождаться изъ небольшихъ навозныхъ шариковъ, изъ гниющихъ труповъ животныхъ и птицъ и т. п. Такъ, ученый III вѣка Эліанъ Клавдій писалъ: „Жуки скатываютъ изъ навоза небольшие шарики и высиживаютъ ихъ въ теченіе 28 дней, послѣ чего появляются на свѣтъ молодые жучки“. Однако, какъ мы увидимъ дальше, дѣло объясняется очень просто, и навозный шарикъ превратиться въ жука не можетъ ни въ какомъ случаѣ, и никогда ничего подобнаго и не бывало.

Размножаются жуки посредствомъ кладки яичекъ изъ которыхъ вылупляются личинки, совершенно не похожія на жука и имѣющія сходство съ червякомъ или гусеницей бабочки. Эти личинки ужасно прожорливы и только и дѣлаютъ, что ѣдятъ. Поэтому самка жуковъ помѣщаетъ яичко обязательно въ такое мѣсто, чтобы вылупившаяся изъ яичка личинка могла тутъ же найти для себя пищу. По прошествіи извѣстнаго времени личинка превращается въ куколку, изъ которой, наконецъ, выходитъ вполне развитой жукъ, который принимается оживленно летать или бѣгать въ ясные солнечные дни.

Посмотримъ сперва, какое происхожденіе имѣетъ комочекъ навоза, про который писалъ древній ученый Эліанъ Клавдій.

Существуетъ жукъ, носящій названіе „священнаго жука“ или „шарокатника“. Священнымъ онъ называется потому, что въ вѣрованіи нѣкоторыхъ древнихъ народовъ, особенно египтянъ, этотъ жукъ имѣлъ большое значеніе. Его считали представителемъ міра, свѣта и храбрости. Громадныя изображенія его помѣщали въ храмахъ и молились ему. Воины носили на себѣ его изображеніе, а когда кто-либо опасно заболѣвалъ, то жука привязывали къ тѣлу больного. Шарокатникомъ же названъ жукъ этотъ вотъ почему.

Какъ только наступаетъ время класть яйца, шарокатникъ отыскиваетъ навозную кучу, отгребаетъ отъ нея маленький кусочекъ и ножками скатываетъ его въ комочъ. Въ этотъ комочъ самка кладетъ свое яичко и вмѣстѣ съ самцомъ

начинаетъ интересную работу, отъ которой эти жуки и получили свое названіе. Самецъ своими ножками упирается въ комокъ и толкаетъ его впередъ, а самка стоитъ съ противоположной стороны, и когда комокъ докатится до нея, она подставляетъ свою голову и отталкиваетъ комокъ назадъ и впередъ до тѣхъ поръ, пока онъ не превратился въ шаръ. Послѣ этого у тружениковъ-родителей появляется новая забота: запрягать этотъ комокъ съ яйцомъ поглубже въ землю. Для этого они принимаются своими ножками рыть землю и выкапываютъ ямку, куда и скатываютъ шарикъ и плотно засыпаютъ его землею. Покончивъ съ однимъ шарикомъ (съ яйцомъ внутри), принимаются за другой такой же шарикъ, потомъ за третій, четвертый и т. д. и отъ этой работы такъ истощаются, что тутъ же падаютъ мертвые, а весной изъ шариковъ выходятъ жучки. Такимъ образомъ, кажущееся происхожденіе жуковъ изъ навоза объясняется очень просто. Жуки эти рождаются не изъ навоза, а въ новозѣ, которымъ вылупившаяся изъ яйца личинка и питается.

Столь же много труда въ заботахъ о потомствѣ проявляютъ и такъ-называемые „трупные жуки“ или „мертвоѣды“. Они водятся на всякой падали, на которой кладутъ яйца и которою питаются какъ лакомой пищей. Замѣчательно развито у нихъ обонаніе, благодаря которому они издали чувтъ присутствіе трупа и слетаются на него.

Изъ мертвоѣдовъ особенно сильно распространѣнъ такъ-называемый „обыкновенный могильщикъ“, про котораго мы и поведемъ рѣчь нѣсколько подробно.

Каждому изъ насъ, несомнѣнно, не разъ приходило въ голову, почему въ лѣсахъ и на поляхъ такъ рѣдко попадаются трупы птицъ, кротовъ и другихъ мелкихъ животныхъ, которые, вѣдь, ежедневно гибнутъ въ большомъ количествѣ? Куда дѣваются эти трупы? Въ то же время каждому изъ насъ приходилось, найдя такой трупъ, замѣтить вокругъ него копошащихся и что-то такое дѣлающихъ большихъ блестящихъ черныхъ жуковъ. Эти жуки и есть могильщики. Скажемъ кстати, что въ лицѣ этихъ жуковъ природа создала замѣчательно усердныхъ санитаровъ, уничтожающихъ огромное количество падали, которая иначе своимъ гніеніемъ сильно портила бы и заражала воздухъ и въ лѣсахъ, и въ поляхъ, и въ садахъ.

Какъ только найденъ трупъ крота или мыши, лягушки или птицы, жуки-могильщики принимаются прохаживаться вокругъ него, точно изучая его величину, и изслѣдуютъ почву, на которой лежитъ мертвое тѣло. Если почва окажется удобною для рытья, то могильщики рас-

полагаются подъ трупомъ на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другого и принимаются рыть лапками землю, отбрасывая ее назадъ. Вокругъ трупа мало-по-малу образуется насыпь, а самый трупъ все ниже и ниже уходитъ въ землю, опускаясь въ вырытую жуками яму. Когда онъ весь очутится въ землѣ, жуки принимаются засыпать его тою землею, которую они же въ видѣ насыпи наложили около могилы. Вся эта работа требуетъ нѣсколькихъ часовъ.

Извѣстный естествоиспытатель Гледичъ, желая поближе изучить работу жуковъ-могильщиковъ, посадилъ четырехъ такихъ жуковъ въ большой стеклянный ящикъ, до половины наполненный землею, и сталъ послѣдовательно опускать въ этотъ ящикъ трупы разныхъ животныхъ. И жуки сейчасъ же принимались хоронить ихъ. Оказалось, что въ теченіе 50 дней четыре жука-могильщика похоронили двухъ кротовъ, четырехъ лягушекъ, трехъ птичекъ, двухъ кузнечиковъ, выброшенныхъ внутренности рыбы и два куска телячьей печенки. Когда насѣкомое отъ безостановочной работы страшно уставало, то оно выползало наружу и, неподвижно приклонивъ голову къ землѣ, отдыхало около часа, послѣ чего снова принималось за работу.

Если трупъ оказывается лежащимъ на почвѣ слишкомъ твердой, а слѣдовательно и неудобной для выкапыванія могилы, то жуки принимаются подыскивать поблизости мѣсто съ болѣе рыхлой почвой и, находя таковое, возвращаются къ трупу. Всѣ вмѣстѣ проскальзываютъ они подъ трупъ, приподымаютъ его на своихъ спинахъ и уносятъ на новое мѣсто, гдѣ и погребаютъ.

Одинъ ученый, желая провѣрить смѣшность жуковъ-могильщиковъ, сдѣлалъ слѣдующее. Онъ подвѣсилъ трупъ крота на ниточкѣ къ колышку, но такъ, что трупъ едва касался земли. Вскорѣ къ трупу стали собираться могильщики и принялись рыть подъ нимъ землю. Къ ихъ удивленію, трупъ не опускался. Они забѣгали и засуетились вокругъ столь необыкновеннаго трупа, останавливались, глубокомысленно поднимая головы и щупальцы, и принялись осматривать трупъ. Вдругъ они сообразили, въ чемъ дѣло, и, бросившись къ колышку, принялись подрывать его. Вскорѣ колышекъ упалъ, а съ нимъ вмѣстѣ упалъ и кротъ, котораго жуки сейчасъ же принялись погребать.

Похоронивъ трупъ, самки могильщиковъ пробираются къ нему и въ теченіе пяти дней кладутъ на немъ свои яички. Когда онѣ затѣмъ выползаютъ снова на свѣтъ Божій, то ихъ едва можно узнать: все ихъ тѣло, имѣвшее прежде черную, блестящую окраску, теперь покрыто красными пятнами. Эти пятна суть клещи, присосавшіеся къ тѣлу уже умирающихъ могильщи-

ковъ и питающіеся на счетъ ихъ организма. Несчастныя труженицы, измучившіяся въ заботахъ о потомствѣ, въ этотъ же день погибаютъ, а спустя 14 дней изъ оставленныхъ ими ни трупи яичекъ выходятъ личинки и принимаются питаться трупомъ.

Посмотримъ теперь, какъ устраиваетъ свое потомство самка водяного жука, иначе большого водолюба или волосатика. Этотъ блестящій, черный, какъ смоль, жукъ водится почти повсемѣстно на земномъ шарѣ и живетъ какъ въ стоячей, такъ и въ текучей водѣ. Тѣло его грузное, неуклюжее, сверху сильно выпуклое; заднія ноги широки и на концахъ сплющены, наподобіе веселъ, почему эти жуки являются прекрасными пловцами. Когда наступаетъ апрѣль мѣсяцъ, то самка кладетъ яички и устраиваетъ для своего потомства очень своеобразное жилище. Съ этою цѣлю она ложится на поверхность воды брюшкомъ вверхъ и ждетъ, пока теченіемъ воды или вѣтромъ пригонитъ къ ней листочекъ какого-нибудь растенія. Тогда она подхватываетъ его и при помощи своихъ переднихъ ножекъ прижимаетъ къ брюшку, изъ котораго сейчасъ же выпускаетъ бѣловатыя шелковистыя нити. Изъ этихъ нитей она выстраиваетъ паутину, покрывающую все ея брюшко и держащуюся за листь. Послѣ этого быстрымъ движеніемъ самка водолюба переворачивается, такъ что паутина оказывается у нея на спинѣ, и принимается изготовлять вторую паутину, выпуская опять нити изъ брюшка, и скрѣпляетъ эту вторую паутину съ первой.

Получается довольно плотный и вмѣстительный мѣшочекъ, въ который самка и кладетъ яйца. Платно скрѣпивъ края мѣшка, она сворачиваетъ верхній конецъ его и изгибаетъ его въ видѣ маленькаго рожка. Получается коконъ,

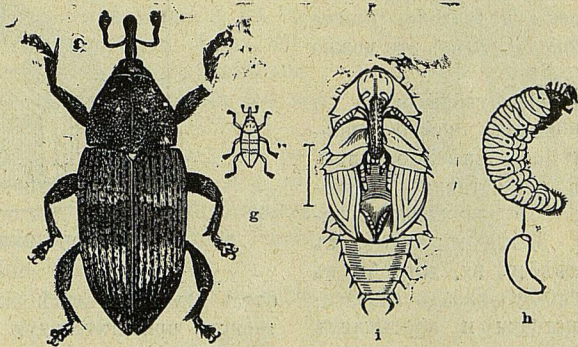
устроенный такъ, что своею широкою частью, наполненной яйцами, все время обращенъ книзу, а рожкообразнымъ концомъ—кверху. Если случится, что отъ волненія воды этотъ коконъ—мѣшочекъ опрокинется, то онъ, подобно „ванькѣ-встанкѣ“, сейчасъ же приметъ свое первоначальное положеніе, и яйца не вывалятся, останутся на мѣстѣ. На всю эту работу уходитъ не болѣе трехъ—четырехъ часовъ времени. Дней черезъ 16—18 изъ яичекъ выходятъ личинки, которыя принимаются питаться внутренней оболочкой кокона.

Жукъ-орѣхотворка также проявляетъ большую заботливость о потомствѣ и въ этихъ заботахъ и погибаетъ.

Взобравшись съ большими усиліями на орѣшникъ, орѣхотворка рыщетъ отъ орѣха къ орѣху, отыскивая подходящій плодъ. А ищетъ она такой орѣхъ, въ которомъ она могла бы пробуравить своимъ хоботкомъ отверстіе. Найдя такой орѣхъ, она тотчасъ же просверливаетъ въ немъ небольшое отверстіе, глубиною достигающее середины плода, и бережно укладываетъ въ немъ яичко. Такъ поступаетъ она съ нѣсколькими орѣхами и дѣлаетъ это до тѣхъ поръ, пока, окончательно обезсиленная, не упадетъ мертвая съ орѣшника на землю. Вылупившаяся изъ яйца личинка питается ядромъ орѣха. Ради этого-то орѣхотворка и помѣстила яичко внутрь орѣха.

На этихъ примѣрахъ мы закончимъ нашу бесѣду о томъ, какъ насѣкомыя заботятся о своемъ потомствѣ. Мы могли бы привести еще очень много примѣровъ, но и изъ того, что мы рассказали, читатели ясно видятъ, какъ поистинѣ велика и изумительна эта забота.

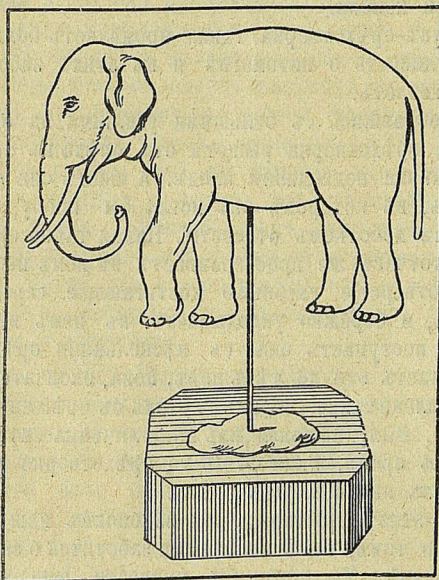
Р. Я. Занскій.

Между дѣломъ.

Дрессированный слонъ.

Нашъ дрессированный слонъ—интересная и въ то же время поучительная игра, потому что даетъ наглядное понятіе о нѣкоторыхъ физическихъ явленіяхъ. Особенно любопытна игра въ

Лицевая сторона.

дрессированнаго слона для тѣхъ, которые совсѣмъ не знакомы съ физическими опытами. Только, само собой, такимъ игрокамъ надо все подробно объяснить по окончаніи игры.

Матеріалъ для изготовленія дрессированнаго слона несложенъ. Для этого надо имѣть всего-навсего нѣсколько листовъ писчей бумаги и вязальную спицу или кусокъ проволоки, слегка заостренный съ одного конца. Сдѣлать это можно простымъ подпилкомъ.

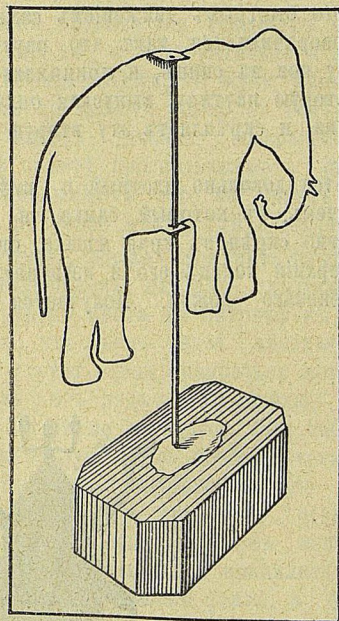
Мы вырѣзываемъ изъ бумаги слона около 15 сантиметровъ длины (сантиметръ можно попросить на время у мамы!). Посрединѣ его спины, а также и подъ брюхомъ мы оставимъ по небольшому дырочкѣ. Для чего это нужно, покажетъ намъ рис. № 2. Далѣе мы втыкаемъ спицу (или проволоку) отвѣсно, ну, хотя бы въ кусокъ мыла. Затѣмъ загибаемъ назадъ сдвинутые сверху и снизу отросточки и протыкаемъ ихъ остриемъ спицы, причемъ нижнюю дырочку мы дѣлаемъ немного шире, чтобы слонъ легко могъ повертываться. Наконецъ, вся фигурка на-

саживается на проволоку, какъ это видно на рисункѣ.

Ну, а послѣ этого намъ необходима теплая печка. Лѣтомъ намъ пришлось бы волей-неволей отпраляться на кухню. Но лѣтомъ мы охотнѣе бѣгаемъ на волѣ, а въ такія игры играемъ ненастной осенью, въ длинные зимніе вечера, когда въ нашемъ распоряженіи теплыя комнатныя печи. На теплую плиту мы кладемъ листъ бумаги или же прикладываемъ его къ горячимъ изразцамъ.

Когда онъ весь хорошо прогрѣтся, мы кладемъ его на столъ и крѣпко растираемъ ладонью. Такимъ путемъ листъ сильно наэлектризуется и получаетъ притягательную силу разогрѣтой гуттаперчи или сургуча, а кто не знаетъ, какой хорошей магнитъ получается изъ простой гуттаперчевой ручки, если же хорошенько натереть обѣ рукава курточки. Кусочки бумаги пристають къ этому магниту крѣпко-на-крѣпко.

При этомъ надо помнить, что бумага даже въ

Оборотная сторона.

очень сухомъ воздухѣ быстро впитываетъ влагу, теряетъ притягательную силу, и ее снова надо прогрѣвать.

Наэлектризованный листъ мы кладемъ поблизости отъ нашего слона и командуемъ:

— Ну-ка, Степка, подойти поближе!

Послушный нашей командѣ, вѣрнѣе — повинуваясь физической силѣ электрическаго притяженія, слонъ тотчасъ же повернетъ голову въ сторону прогрѣтаго листа.

Разумѣется, что листъ при этомъ надо держать къ головѣ нѣсколько ближе, чѣмъ къ хвосту.

— Ну, а теперь, Степка, повернись! — говоримъ мы, обводя листомъ вокругъ оси, на которой укрѣпленъ слонъ. Слонъ безропотно повинувается намъ.

— Вертись въ обратную сторону, Степка!

Листъ обводятъ въ противоположную сторону, и слонъ слѣдуетъ за нимъ.

Теперь мы снимаемъ его съ проволоки и прогрѣваемъ уже самого, затѣмъ раскладываемъ на столъ и растираемъ ладонью. Послѣ этого вновь насаживаемъ на старое мѣсто. При этомъ его надо какъ можно меньше трогать руками, потому что отъ прикосновенія влажныхъ пальцевъ онъ быстро теряетъ притягательную силу.

Потомъ приготовляемъ по старому способу нашъ листъ. Слону отдается приказъ:

— Степка, встань поперекъ листа.

Степка слушается. Его естественный магнетизмъ сталкивается съ магнетизмомъ наэлектризованнаго листа и взаимно отталкиваютъ другъ друга. Слонъ поэтому будетъ стремиться ударить какъ можно дальше, а такъ какъ бумага поворачивается, то и онъ вынужденъ все время становиться поперекъ ее. При этомъ опытъ листъ надо растирать рукой менѣе, чѣмъ самого слона, чтобы послѣдній былъ наэлектризованъ сильнее.

Вновь подвергнутый электризаціи слонъ будетъ послушно ходить за протянутой рукой. Потомъ можно наэлектризовать только его головную часть и заставить нагибаться за кускомъ сахара; онъ будетъ поворачиваться, какъ живой, и ходить за нимъ.

— Степка, отверни голову отъ листа.

Наэлектризованный листъ подводится къ головѣ, и та медленно отворачивается. Листъ подводятъ къ хвосту, и слонъ начинаетъ вертѣться, стремясь улепетнуть подальше, но спица его не пускаетъ...

Однако, прежде чѣмъ показывать всѣ эти фокусы, надо сдѣлать опытъ, чтобы убѣдиться, годится ли для нихъ погода, потому что бываютъ дни, когда погода препятствуетъ всякимъ опытамъ съ электрическимъ магнетизмомъ.

Не забывайте объ этомъ, иначе опыты ваши не удадутся.

Дядя Томъ.

Шарада.

Чтобъ первый слогъ найти — недолго
путь!

Вамъ, дѣтки, стоитъ въ азбуку взглянуть,
Согласную простую взять
И полностью ее назвать!

Мой слогъ второй — несчастье дома,
На свѣтъ нѣтъ такого грома,
Которымъ бы ему хозяйка не грозила!
А мнѣ... мнѣ кажется, что мило

Тотъ слогъ выглядываетъ часто
(И словно для контраста!), —

Нѣтъ страшнаго ни капли въ немъ,
Когда идутъ къ нему съ дубемъ!

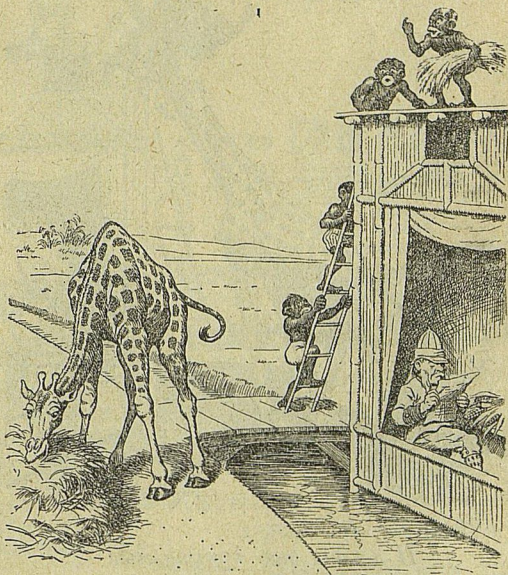
Теперь легко и цѣлое назвать:
Его мы можемъ рвать
Простымъ движеніемъ руки
У береговъ рѣки:

Оно порой осенней увядаетъ
И „пѣней-шелестомъ“ о лѣтнихъ дняхъ
рыдаетъ!

Н. К.

„Живая гора“.

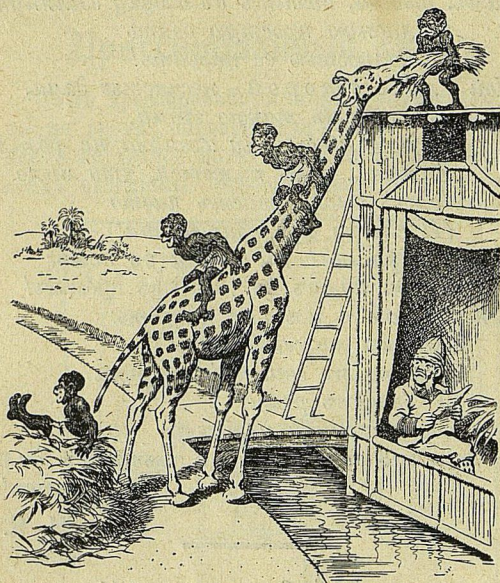
Придумали арапчики
Спортивную забаву:
Съ жираффа какъ съ горы они
Каталися на-славу...

Вверхъ одинъ приманивалъ
Жираффа кукурузой,
И не были животному
Ребята тѣ обузой...

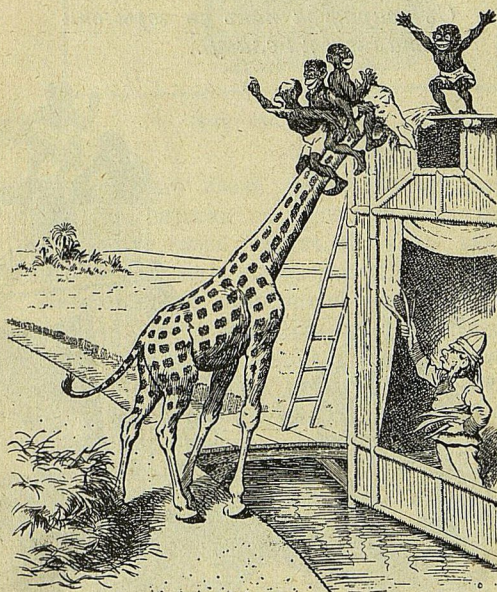
Свою онъ шею длинную
Держалъ могуче, стройно,

2

Но скоро сталъ вести себя
Онъ какъ-то безпокойно...

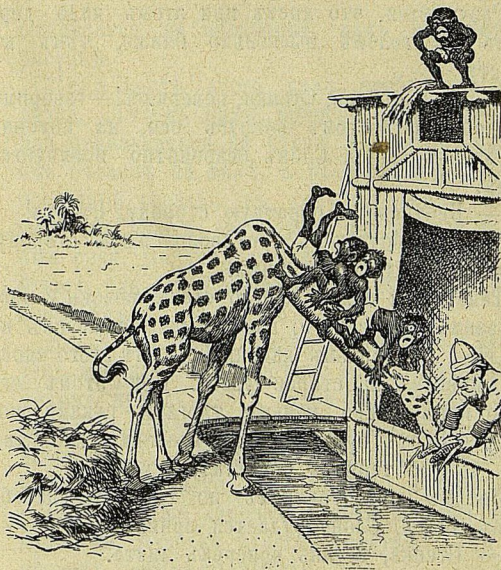
3

Плоды онъ кукурузные
Увидѣлъ вдругъ въ палаткѣ.
(А онъ ужъ зналъ по опыту,
Какъ эти „фрукты“ сладки...).

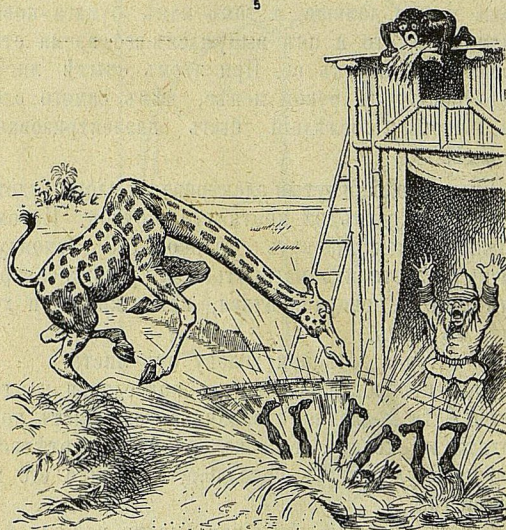
Съ соломой кукурузною
Никто ихъ не сравниваетъ!..

4

А тутъ и англичанинъ самъ
Ему ихъ предлагаетъ!..

5

Жирафъ стерпѣть не въ силахъ
былъ...

„Гора“ вдругъ изогнулась...
И... черная компанія
Въ водичку окунулась...

Тушканчикъ.

Къ читателямъ журнала „Дѣтскій Міръ“.

Дѣти, позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ просьбой. Навѣрное, у большинства изъ васъ найдутся ненужныя игрушки, книги, картинки? Навѣрное, вы не откажете подѣлиться ими съ больными дѣтьми, о которыхъ я вамъ сейчасъ расскажу.

Подъ Москвой, во Всѣхсвятскомъ, на деньги, собранныя отъ продажи цвѣтка ромашки, и на пожертвованія разныхъ добрыхъ людей устроены санаторіи для туберкулезныхъ дѣтей въ возрастѣ отъ двухъ до десяти, двѣнадцати лѣтъ. Я видѣла этихъ дѣтей, изъ которыхъ нѣкоторыя не встаютъ съ постели, другія ходятъ на костыляхъ, у нѣкоторыхъ въ гипсѣ ручки, ножки, нѣкоторыя въ гипсовомъ корсетѣ, чтобы выпрямить или начинающій горбъ, или больной спинной хребетъ. Всѣ они прозрачны, худы, у всѣхъ грустные глазки, уже много страдавшіе. И такъ хочется хоть чѣмъ-нибудь скрасить ихъ жизнь вдали отъ родного дома, отъ любимыхъ отца, матери, братьевъ и сестеръ! Все это дѣти бѣдныхъ людей, они и дома-то, конечно, не видѣли особенной радости, но то все-таки былъ свой домъ; здѣсь же хотя ихъ и кормятъ хорошо, и ухаживаютъ за ними прекрасный, и докторъ ихъ лечитъ, и заведующая ласкается, но они понимаютъ, что больны, и нечѣмъ имъ развлечься. Если бы у нихъ были книги, игрушки, игры, имъ было бы много легче, съ благодарностью вспоминали бы онѣ тѣхъ милыхъ дѣтокъ, которыя удѣлили бы имъ изъ своихъ богатствъ хоть малую толику.

Все, что ни пришлете вы, дѣти, будетъ принято съ глубокой признательностью. Присылайте или въ редакцію журнала „Дѣтскій Міръ“, или прямо заведующей санаторіей Ольгѣ Ивановнѣ Богословской, во Всѣхсвятское, Песочная ул., домъ Калабухова.

Имена жертвователей „Дѣтскій Міръ“ охотно напечатаетъ на своихъ страницахъ. Хорошій примѣръ заразителенъ, и я увѣрена, въ слѣдующемъ же номерѣ мы прочтемъ о многихъ и многихъ дѣтяхъ, которыя подѣлятся своими игрушками и книгами и др. вещами съ больными дѣтьми.

Екатерина Экъ.

МОСКОВСКАЯ

книжно-газетная экспедиція „Московск. Издательства“

(МОСКВА, Глинищевскій пер., 6).

ПЬЕРЪ МИЛЛЬ

НА ЗАРѢ.

Исторія развитія дѣтской души.

Цѣна 85 коп.

Авторъ долгое время наблюдалъ жизнь дѣтей и передаетъ свои наблюденія въ рядѣ очерковъ, объясняемыхъ теплою любовью къ дѣтямъ.

Книга не можетъ не заинтересовать родителей, отъ вниманія которыхъ часто ускользаетъ то, что подмѣтилъ наблюдательный писатель.

Для воспитателей, это—сущій кладъ.

ГРЫЖА

Кто дѣйствительно желаетъ излечиться отъ грыжи внутрен. средств., начин. съ грудного возраста до преклонныхъ лѣтъ, треб. разъясн.: Адр.: Москва, Солянка, М. Ивановск. п., д. 13, кв. 7-12. Г. Т. Мокротоваровъ.

І. А. Любичъ-Ношуровъ.

Потѣшная рота.

Повѣсть для дѣтей. Съ рисун. художн. А. Ложкина.

Цѣна 85 коп.

МОСКВА, Тверская, Глинищевскій пер., д. 6, Книжно-газетн. экспедиція «Московского Издательства».

МАЛОКРОВІЕ

БЛѢДНУЮ НЕМОЧЬ, СЛАБОСІЛІЕ
возможно радикально излечить только
при систематическомъ обновленіи состава
крови и доставленіи ей достаточнаго количе-
ства легко усваиваемаго желѣза.

ПИЛЮЛИ ПЕНИ

ХЛОРОЗАНЪ

лучшій испытанный препаратъ, снабжающій малокров-
ный организмъ необходимыми для крови жизненными
соками и вызывающій усиленное кровеобразованіе.

ПИЛЮЛИ ПЕНИ доставляютъ орга-
низму новые запасы желѣза, легко
проникающаго въ кровь, возбужда-
ютъ дѣятельность кроветворныхъ
органовъ и способствуютъ образо-
ванію свѣжихъ и здоровыхъ крове-
ныхъ шариковъ.

Всѣ признаки малокровія, какъ
головныя боли, блѣдный цвѣтъ
лица, головокруженія и общая сла-
бость исчезаютъ, появляется аппе-
титъ, притокъ силъ и общее оздо-
ровленіе всего организма.

ПИЛЮЛИ ПЕНИ—единственный же-
лѣзистый препаратъ не только не
вызываетъ никакихъ желудочно-ки-
шечныхъ расстройствъ, но и уста-
навливаетъ совершенно нормальное
перевариваніе и усвоеніе пищи, спо-
собствуя этимъ правильному пита-
нію всѣхъ тканей организма.

Продается въ аптекахъ и аптекар. магазинахъ.

Цѣна коробки 1 руб. 75 коп.

Главный складъ для Россіи:

Институтъ Д-ра КАЛЬВЕ. Москва,
Срѣтенка, 4, отд. 3/152.

БОЛѢЗНИ (чахотка, бронхиты, катарры) ЛЕГКИХЪ СОВЕРШЕННО ИЗЛѢЧИМЫ.

Туберкулезъ, бронхиты, катарры, возникающіе благодаря проникновенію въ дыхательные органы
губернулезныхъ и проч. бациллъ, могутъ быть радикально излѣчимы только при окончательномъ уни-
чтоженіи бациллъ и прекращеніи возможности ихъ размноженія въ организмѣ больного. Всѣ сред-
ства, употреблявшіяся и употребляемыя медициной для лѣченія этихъ болѣзней, имѣли въ виду
уничтоженіе вызывающихъ эти болѣзни микробовъ. Все вниманіе научныхъ изслѣдователей было
обращено на изысканіе такого лѣкарственнаго средства, которое дѣйствовало бы разрушающимъ
образомъ на туберкулезныхъ бациллъ и въ то же время было совершенно безвреднымъ для организма.

Лучшимъ изъ новѣйшихъ средствъ въ совершенствѣ
достигающимъ эту цѣль, являются

„таблетки Гайобензолъ“

признанныя авторитетными врачами-специалистами наи-
болѣе радикальнымъ лѣкарственнымъ средствомъ для
лѣченія туберкулеза и прочихъ болѣзней легкихъ.

Таблетки „Гайобензолъ“ тщательно дезинфицируютъ
легочные пути, въ корѣ разрушая туберкулезныхъ ба-
циллъ. Этимъ своимъ дѣйствіемъ онѣ подѣкаютъ болѣзнь
въ самомъ ея корнѣ и способствуютъ ослабленію, а въ
дальнѣйшемъ и окончательному излеченію всѣхъ
признаковъ болѣзни.

КАШЕЛЬ. КРОВОХАРКАНІЕ. ЛИХОРАДКА. НУЧНЫЕ ПОТЫ ИСЧЕЗАЮТЪ.

Благодаря усиленному аппетиту, вызываемому Таблет-
ками „Гайобензолъ“, больной начинаетъ лучше питаться,
увеличивается въ вѣсѣ и съ каждымъ днемъ чувствуетъ
удовлетвореніе въ своемъ здоровьѣ.

Таблетки „Гайобензолъ“ быстро уничтожаютъ бронхиты
кашель, простуду и тѣмъ самымъ предохраняютъ боль-
ного отъ зараженія чахоткой.

Высокоцѣлебное дѣйствіе Таблетокъ „Гайобензолъ“
засвидѣтельствовано французскими профес., примѣнявши-
ми ихъ въ своей практикѣ и достигавшими поразитель-
ныхъ результатовъ даже у тяжелыхъ больныхъ.

Остерегайтесь поддѣлокъ. Настоящій Французскій препаратъ Гайобензолъ продается въ оригинальной
алюминіевой упаковкѣ и снабженъ таможенной пломбой.

Цѣна 1 кор. Гайобензола—3 руб.

По первому требованію высылается роскошно изданная брошюра, посвященная ясному и
подробному описанію всѣхъ правилъ при лѣченіи чахотки Гайобензоломъ.

Заказы и требованія адресовать: „Лабораторія Практической Медицины“: МОСКВА, Тверская.
Космодамианскій переулокъ, д. 15, отд. 1/152. Аптекарскій магазинъ. Телефонъ № 2-79-25.

Цѣна 15 коп.